

**Памяти академика
Сергея Федоровича Платонова:
исследования и материалы**

ББК 63.3 (2)

П - 10

Редакционная коллегия:

А. Ю. Дворниченко (отв. ред.), *А. В. Мельников*, *Е. А. Ростовцев*,
А. В. Сиренов, *С. О. Шмидт* (отв. ред.)

Рецензенты:

чл.-корр. РАН, д-р ист. наук *Р. Ш. Ганелин*,
д-р ист. наук *А. А. Чернобаев*

*Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (проект 10-01-14008г)*

Памяти академика Сергея Федоровича Платонова: исследования и материалы / Отв. ред. А. Ю. Дворниченко, С. О. Шмидт. — СПб. : Любавич, 2011. — 502 с.

В сборнике представлены научные исследования и документальные материалы, посвященные творчеству и научному наследию выдающегося историка, академика Сергея Федоровича Платонова (1860–1933). В основе сборника – материалы докладов юбилейной конференции, посвященной 150-летию С.Ф. Платонова, проходившей в Санкт-Петербургском государственном университете и Российской национальной библиотеке 28–30 июня 2010 г.

ISBN 978-5-89-6983-310-5

ББК 63.3 (2)

© Издательство «Любавич», 2011

© Исторический факультет

С.-Петербург. гос. ун-та, 2011

© Авторы статей, 2011

ISBN 978-5-89-6983-310-5

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
<i>Ананьич Б.В.</i> С.Ф. Платонов и Академия наук	8
<i>Шмидт С.О.</i> К юбилею С.Ф. Платонова	10
Вехи биографии и научного творчества	
<i>Медведев И.П.</i> С.Ф. Платонов как ученик византиниста В.Г. Васильевского	21
<i>Трибунский П.А.</i> С.Ф. Платонов — преемник Е.Е. Замысловского на кафедре русской истории имп. Санкт-Петербургского университета	26
<i>Ростовцев Е.А.</i> Обзор Дневника Н.Н. Платоновой (Шамониной)	43
<i>Беляева О.М.</i> Сергей Федорович Платонов и Эрвин Давидович Гримм: коллеги по Петербургскому университету	88
<i>Петрова Н.А.</i> Книжное собрание профессора Е.Е. Замысловского в составе библиотеки Санкт-Петербургских Высших женских (Бестужевских) курсов	93
<i>Бухерт В.Г.</i> «Мне очень трудно заменить этого незаменимого человека» (Письмо великого князя Константина Константиновича императору Николаю II с рекомендацией С.Ф. Платонова на пост директора Публичной библиотеки)	101
<i>Бухерт В.Г.</i> «Кончина Вашего сына была прекрасна»: Два письма С.Ф. Платонова великому князю Константину Константиновичу	103
<i>Бухерт В.Г.</i> С.Ф. Платонов в Обществе «Маяк»	105
<i>Бухерт В.Г.</i> С.Ф. Платонов в Обществе российских архивных деятелей	111
<i>Бухерт В.Г.</i> С.Ф. Платонов в Комиссии для научного издания документов ритуальных процессов в России Народного комиссариата просвещения РСФСР (1919—1920 гг.)	119
<i>Рокитянский Я.Г.</i> Два выдающихся академика России: С.Ф. Платонов и Д.Б. Рязанов	130
<i>Бухерт В.Г.</i> «Ежегодно питаю надежду попасть к Вам» (Письма С.Ф. Платонова к М.А. Волошину. 1924—1929 гг.)	137
<i>Сафонов М.М.</i> С.Ф. Платонов и акт отречения Николая II	146
<i>Лепехин М.П.</i> Об административной деятельности С.Ф. Платонова во второй половине 1920-х гг.	165
<i>Бухерт В.Г.</i> «Очень хотела бы Вас повидать, мой милый, хороший друг!» (Из писем Нины Сергеевны Платоновой)	193
<i>Прозорова Н.А.</i> Н.В. Измайлов об «академическом деле» записи из архива)	198
<i>Кабытов П.С.</i> Самарский период жизни С.Ф. Платонова и движение за увековечивание памяти выдающегося ученого в Самаре	216
<i>Дегтярев А.Я.</i> Письмо академика М.К. Любавского (1934 г.) прокурору СССР по поводу «Академического дела»	220

Е.А. РОСТОВЦЕВ

Обзор Дневника Н.Н. Платоновой (Шамониной)*

В настоящей статье речь пойдет о Дневнике Надежды Николаевны Платоновой (Шамониной) (1861–1928) — жены известного историка Сергея Федоровича Платонова (1860–1933). Их брак был заключен в июне 1885 г. и длился более 40 лет, до самой смерти Надежды Николаевны. Она не была просто «замужем» за историком, но являлась в полном смысле слова его соратником и единомышленником. Общественно-политическая, академическая и научно-историческая тематика профессионально и лично привлекали Надежду Николаевну — выпускницу Высших женских (Бестужевских) курсов. Не были ей чужды и научные занятия: она являлась автором ряда статей, книги о писательнице Н.С. Кохановской (Соханской)¹, за которую получила Ахматовскую премию Академии наук в 1909 г.² В течение длительного времени Н.Н. Платонова вела дневник, в котором фиксировала важные личные и социально значимые события. Дневник Надежды Николаевны Платоновой (далее — Дневник) хранится в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ): Ф. 585 (С.Ф. Платонов). Оп. 1. Д. 5691–5702. Хронологически Дневник охватывает период с сентября 1889 г. по ноябрь 1921 г. Однако надо отметить, что в записях есть длительные перерывы: с августа 1896 г. по сентябрь 1905 г.; с октября 1905 г. по январь 1914 г.; с февраля по декабрь 1914 г.; с марта 1920 г. по январь 1921 г.³ По примерным подсчетам, общий объем рукописи равен 40 условным печатным листам.

Приступая к характеристике Дневника, прежде всего следует остановиться на стиле изложения автора. Во-первых, обращают на себя внимание постоянные разъяснения деталей, которые автору не просто были известны, а должны были восприниматься как само собой разумеющиеся, — деталей, связанных с именинами детей, местоположением собственного дома и т. п. Во-вторых, автор явно неоднократно возвращался к написанному, внося изменения уточняющего характера в текст (например, в характеристике ученых заслуг историков, описании внутриуниверситетских взаимоотношений, политических интриг и т. п.), — исправляя детали события, заменяя эпитеты и т. п. В-третьих, к ряду сюжетов автор возвращался многократно, как бы продолжая уже начатое описание (при этом в некоторых случаях одно событие последовательно описывается в двух и более записях). В-четвертых, значительная часть записей строится по заранее определенному плану, кратко обозначенному на полях Дневника (как правило, карандашом). В-пятых, в ряде случаев рядом с описанием определенного эпизода стоит (по-видимому, ав-

* Настоящая публикация подготовлена при поддержке гранта РГНФ 10-01-00487а «Подготовка научного издания Дневника Надежды Николаевны Платоновой (Шамониной)» (руководитель проекта д. и. н. А.Н. Цамутали).

торский) знак вопроса (карандашом). В-шестых, в тексте некоторых записей оставлены свободные строки после изложения определенного сюжета — по всей вероятности, для дополнений (в большинстве своем эти пропуски, скорее всего, заполнялись, о чем свидетельствует наличие в тексте мест, записанных более сжатым почерком, иногда другими чернилами).

Характерно, что за исключением крайне редких случаев в первой тетради Дневника, где Н.Н. Платонова называет мужа «Сережей», в дальнейшем она именуется его только по имени и отчеству: «Серг. Фед.» или «С.Ф.». Хорошо знакомые Платоновым люди и даже ближайшие друзья семьи (историки В.Г. Дружинин, Н.Д. Чечулин и др.), как правило, в начале очередной записи приводятся с указанием имени, отчества (или инициалов) и фамилии. Таким образом, уже стилистика Дневника наводит на мысль, что он писался Н.Н. Платоновой явно в расчете на стороннего читателя.

Отсутствие в Дневнике всякого намека на рассказ о семейных проблемах или переживаниях личного характера подтверждает это наблюдение. Важным обстоятельством, которое следует учитывать при рассмотрении Дневника, является то, что писался он Н.Н. Платоновой в значительной степени на основании информации, сообщаемой мужем. По крайней мере, абсолютное большинство сюжетов, связанных с характеристикой научной жизни, изложено со слов С.Ф. Платонова.

Другим важным источником информации были еженедельные приемы Платоновых — «среды», где собирались коллеги и ученики С.Ф. Платонова, также, как правило, разделявшие и взгляды хозяина. Суждения и оценки мужа, за исключением единичных случаев, полностью поддерживаются Н.Н. Платоновой. Характерно, что, рассказывая о мечтах и планах мужа, Н.Н. Платонова довольно часто употребляет местоимение «мы». Таким образом, можно предположить, что Дневник в значительной степени отражал академические, личные и общественно-политические предпочтения не только его непосредственного автора, но во многом и Сергея Федоровича Платонова и составлялся, по крайней мере отчасти, как его жизнеописание, предназначенное для потомства. В то же время следует учитывать, что текст Дневника не подвергался автором специально литературной отделке — в Дневнике присутствуют лексические и стилистические «несогласованности», элементы разговорной речи. Это видно при цитировании отдельных мест Дневника и в настоящем обзоре. При передаче текста Дневника сохраняется (за исключением очевидных опечаток и случайных ошибок) орфография и пунктуация автора, раскрываются авторские сокращения; по возможности даются краткие сведения об упоминаемых лицах.

Тематика Дневника разнообразна: отношения детей и родственников, описание семейных путешествий, рассказ о событиях художественной жизни (например, о посещениях театра), погодные и пейзажные зарисовки. Однако двумя существенными темами Дневника на протяжении всего времени записей остаются отношения внутри корпорации историков, политическая жизнь,

отношения между обществом и властью и историческая наука, быт интеллигенции в эпоху революции и гражданской войны. В одной из статей мы достаточно подробно попытались проанализировать показания Дневника, касающиеся первой из упомянутых тем — внутрикорпоративных отношений исторической науки рубежа XIX—XX вв.⁴

Основной темой настоящей статьи являются общественно-политические сюжеты и взгляды автора Дневника, а также тесно связанное с ними описание крушения старого бытового уклада интеллигентской жизни. Заслуживающего внимания материала в Дневнике в этом отношении особенно много, поскольку среди его персонажей присутствуют многочисленные политики, чиновники и общественные деятели. В Дневнике в той или иной форме затрагиваются политические взгляды и известных ученых-гуманитариев, деятелей культуры.

Общий тон общественно-политических суждений Н.Н. Платоновой в 1890-е гг. можно определить как умеренно консервативный. С одной стороны, в Дневнике выражаются верноподданнические чувства Платоновых, с обеспокоенностью описываются слухи о болезни императора Александра III и с горечью сообщается о его кончине, с восхищением описываются молодой государь Николай II и его жена (10 октября 1894 г. Л. 47—48 об.; 22 октября 1894 г. Л. 52—53; 21 ноября 1894 г. Л. 56 об.—59 об.; 2 января 1895 г. Л. 75—76 и др.⁵). Н.Н. Платонова неустанно критикует либеральных профессоров — «подстрекателей молодежи» (И.М. Гревса⁶, С.Ф. Ольденбурга⁷, Н.И. Кареева⁸, П.Н. Милюкова⁹, В.И. Семевского¹⁰) — и сочувствует преподавателям, ослепленным революционными студентами и «сумасшедшими курсистками» (А.И. Введенский¹¹, В.О. Ключевский¹²) (8 сентября 1890 г. Л. 16 об.; 17 марта 1891 г. Л. 49 об.; 15 февраля 1893 г. Л. 18—18 об.; 25 февраля 1893 г. Л. 20—21; 15 марта 1894 г. Л. 36—41 об.; 2 декабря 1894 г. Л. 66—66 об. и др.).

В то же время в Дневнике критически оценивается присутствие «посторонних личностей (т. е. переодетых полицейских агентов)» на лекциях в университете (3 января 1893 г. Л. 9) и репрессии против тех же либералов — профессора Н.И. Кареева, приват-доцентов П.В. Безобразова¹³ и П.Н. Милюкова (15 марта 1894 г. Л. 35—36; 14 февраля 1895 г. Л. 76 об.—77 и др.). Н.Н. Платонова сочувственно описывает хлопоты А.С. Милюковой (жены П.Н. Милюкова)¹⁴ за своего высланного в Рязань мужа и помощь ей в этом С.Ф. Платонова (7 марта 1895 г. Л. 79 об.—81; 20 февраля 1896 г. Л. 87—87 об.; 22 февраля 1896 г. Л. 88 об.). Решительно осуждаются в Дневнике фигуры наиболее одиозных в глазах общественности представителей правящей бюрократии, например К.П. Победоносцева¹⁵ (31 марта 1892 г. Л. 100—100 об.), и жестокие действия властей по пресечению беспорядков — в частности, приводится рассказ об избиении полицией приват-доцента Н.Д. Чечулина¹⁶ во время студенческих волнений 1895 г. (27 сентября 1892 г. Л. 145 об.—146). Среди общественно-политических сюжетов первых (до 1896 г.) тетрадей Дневника — описание похорон Н.В. Шелгунова¹⁷ (18 апреля 1891 г. Л. 54 об.); описание

голода 1892 г.; рассказ об организации лекций в университете в пользу голодающих (20 марта 1892 г. Л. 97 об.—98 и др.); анекдоты о преподавании истории С.Ф. Платоновым — в кн. Михаилу Александровичу¹⁸ и в кн. Ольге Александровне¹⁹ (13 февраля 1896 г. Л. 85 об.—87; 22 февраля 1896 г. Л. 88 об.) и др.

Таким образом, основой общественно-политических взглядов С.Ф. Платонова была, по словам Н.Н. Платоновой, его «беспартийность», неприятие как «левых», так и «правых», что делало его положение «с начала освободительного движения» «крайне сложным» (см. 16 апреля 1916 г. Л. 104 об.). «Беспартийность» изложения сказалась в весьма кратком и отрывочном описании революционных событий 1905 г., в котором также присутствует определенная двойственность. Некоторое удовлетворение тем, что «Конституция дана» (октябрь 1905 г.), сочетается с резким осуждением революционных беспорядков, особенно в университете (19 сентября — 22 октября 1905 г. Л. 1—8).

Записи Дневника 1914—начала 1917 г. отличаются большей насыщенностью общественно-политическими сюжетами, по сравнению с записями 1890-х гг. Основными темами становятся события на фронте, придворные и министерские интриги, критика властей, «распутинщина». Из конкретных сюжетов общественно-политического характера, которые могут вызвать интерес, хочется указать на историю присвоения докторской степени по русской истории императору Николаю II в 1915 г. (29 января 1915 г. Л. 12 об.—13 об.; 30 января 1915 г. Л. 16 об.; 27 февраля 1915 г. Л. 40; 30 марта 1915 г. Л. 55 об.); скандалы в связи с политическим доносом в Московском университете (7—9 марта 1915 г. Л. 41 об.—46); борьбу «академистов» со студентами-радикалами (11 ноября 1915 г. Л. 49—50); политическую характеристику Академии наук (23 января 1916 г. Л. 71).

Особый сюжет Дневника связан с отношениями С.Ф. Платонова с властями, рассуждениям о возможных поворотах в карьере мужа. Одна из наиболее часто обсуждаемых тем связана с возможностью и перспективами назначения С.Ф. Платонова министром народного просвещения. Особо актуальной для автора Дневника эта тема становится после отставки в ноябре 1914 г. с поста министра Л.А. Кассо. Приведем несколько отрывков из записей Н.Н. Платоновой декабря 1914 — января 1915 г., свидетельствующих о том, что почти месяц семья Платоновых провела в напряженном ожидании разрешения этого вопроса: «Вчера Гливенко²⁰ подтвердил слух, который ходит по городу, что государь поручил Совету Министров избрать 2 кандидатов на пост мин. нар[одного] просв[ещения], и что избраны Кауфман (бывший министр)²¹ и С[ергей] Ф[едорович] — что-то будет? Вчера Г[осуда]рь вернулся из Москвы — значит, на днях вопрос д[олжен] б[ыть] решен» (14 декабря 1914 г. Л. 1 об.); «Министр Нар[одного] Просв[ещения] все еще не назначен. На днях был у С[ергея] Ф[едоровича] Прутченко²² (бывший попечитель), был необыкновенно любезен и сообщил между прочим, будто ему достоверно известно, что статс-

секретарь Танеев²³ затребовал к себе формулярный список С[ергея] Ф[едоровича] и Алексеенко²⁴ (бывшего попечителя) — и С[ергей] Ф[едорович] говорит, что после этих слов Пругченка впервые ему, С[ергею] Ф[едоровичу], кандидатура стала казаться вероятной. <...> в городе точно называют день, когда Горемыкин²⁵ будто бы был у С[ергея] Ф[едоровича] и уговаривал его принять пост министра, на что С[ергей] Ф[едорович] будто бы упорно отказывался. Вчера же Ив[ану] Ив[ановичу] Лаппо²⁶ (так сказали Б.А. Тураеву²⁷ в Мин[истерств]е) передавал С[ергею] Ф[едоровичу] новый слух: что Танеев затребовал послужные списки Пругченки, гр. Игнатъева²⁸ (товарищ мин[истра] земледелия Кривошеина²⁹) и С[ергея] Ф[едоровича] — и везде фигурирует имя С[ергея] Ф[едоровича]... Сейчас говорил по телефону Гурлянд³⁰: по его словам... кандидатами на пост мин[истра] нар[одного] просв[ещения] только и называют двух: гр. Игнатъева и С[ергея] Ф[едоровича] опять!» (6 января 1915 г. Л. 1 об.—3); «Кульман³¹ слышал, что весь Мраморный Дв[орец] агитировал за кандидатуру С[ергея] Ф[едоровича]. От гр. С[ергея] Дм[итриевича] Шереметева³² С[ергей] Ф[едорович] на днях тоже получил письмо с какими-то намеками на кандидатуру С[ергея] Ф[едоровича] — и вот 9-го нам по телефону сказал Гурлянд, что министром назначен гр. Игнатъев — слава Богу, что все это кончилось! <...> Вчера вел[икий] князь (Константин Константинович³³. — *Е. Р.*), который поправляется, но еще не выходит, вызвал к себе в Мр[аморный] Дв[орец] С[ергея] Ф[едоровича] без всякого определенного дела: не то ему хотелось расспросить С[ергея] Ф[едоровича] о чем-то, не то он чего-то не договаривал (напр., “Ведь И[гнатъев] назначен, Вы знаете? Скажите, с Вами вели переговоры?” и т. д.). С[ергей] Ф[едорович] даже хочет при случае с ним об этом заговорить» (12 января 1915 г. Л. 3—4 об.).

В Дневнике также содержится упоминание и о возможности более раннего назначения С.Ф. Платонова на пост министра, в 1910 г. Правда, о ней Н.Н. Платонова узнала спустя 10 лет после события: «С[ергей] Ф[едорович] много говорил с Чиркиным³⁴ и слышал от него много интересного. Когда в 1910 г. Столыпин³⁵ и Кривошеин ездили осматривать крестьянские отруба (хуторские хозяйства) и переселенческие поселки на востоке России и в Сибири, в их вагоне ездил с ними и Чиркин. Кривошеин совершенно ясно намечал кандидатов в свой кабинет и на пост министра нар[одного] просв[ещения] (только что перед тем умер Шварц³⁶ (ошибочно: А.Н. Шварц в это время не умер, а ушел в отставку. — *Е. Р.*) назвал С[ергея] Ф[едоровича], о котором, по словам Ч[иркина], был самого лучшего мнения. Ст[ольпин] с ним согласился и разговор кончился словами Ст[ольпина]: Так я телеграфирую Государю о Платонове. — Через 3 часа после этого, во время остановки поезда в Москве, к Ст[ольпину] прилетел в автомобиле вызванный им Кассо³⁷, после разговора с которым Ст[ольпин] послал Государю телеграмму о назначении министром Кассо. Говорят, это было сделано вследствие рекомендации Елизаветы Фед[оровны]³⁸, подобно тому как по ее рекомендации Цветаев³⁹

сделан был Директором Архива Юстиции в Москве. Но какое счастье, что эта чаша прошла в свое время мимо С[ергея] Ф[едоровича]!» (20 декабря 1919 г. / 2 января 1920 г.⁴⁰ Л. 99 об.—100).

Объяснение тому, что ее муж так и не стал министром, Н.Н. Платонова видит (вслед за С.Ф. Платоновым) в отрицательном отношении к нему со стороны Николая II. В Дневнике есть несколько записей на эту тему: «24-го мая [1915 г.] Государь принял профессоров р[усской] истории и р[усского] права, поднесших ему адрес. Он обошел всех и каждому ч[его]-н[ибудь] сказал, причем С[ергей] Ф[едорович], как неоднократно прежде, вынес впечатление, что Государь его не любит. Государь, проходя мимо С[ергея] Ф[едоровича] и, видимо, что-то вспомнив (очевидно, слова вел. князя), спросил: Вы еще читаете в Ун[иверсите]те? Вы очень заняты?» (15 июня 1915 г. Л. 76—76 об.); «Между прочим, Н.М. Бубнов⁴¹ (со слов, очевидно, Иконникова⁴²) как-то этой весной сказал С[ергею] Ф[едоровичу]: А у нас в Киеве говорят, что Вы никогда не будете министром, т[ак] к[ак] Государь Вас не любит: ему-де не понравился Ваш доклад об избрании Мих[аила] Ф[едоровича] на царство, прочтенный Вами в заседании [Русского] Ист[орического] Общества в Царскосельском дворце в присутствии Г[осударя]. А в этом докладе С[ергей] Ф[едорович] говорит то, что давно уже стало общепризнанной в науке истиной: что Мих[аила] Ф[едоровича] избрали несмотря на его молодость, слабое здоровье, сиротство (отец в плену), не очень знатное происхождение — избрали потому, что ни на ком другом не могли сойтись бояре и казаки: первые хотели посадить на престол иностранца, вторые — Самозванцева сына или Филаретова сына. — Это похоже на истину и интересно, что слух об этом проник и в Киев. И еще в дворце может быть предубеждение против С[ергея] Ф[едоровича] за курс, прочтенный им в Павловском Дворце на Курсах для сельских учителей. Тогда Греч[еская] королева Ольга Конст[антино]вна⁴³ несколько, кажется, была задета тем, как С[ергей] Ф[едорович] говорил об имп[ерато]ре Павле и Александре I, и особенно тем, что это говорилось именно там (в Павловске, с которым так связаны их имена). — И тогда, кажется, это впечатление, произведенное чтением С[ергея] Ф[едоровича], было несколько раздуто покойным Киреевым,⁴⁴ — если все это так, как мы с С[ергеем] Ф[едоровичем] этому рады! И никогда у нас не было этой честолюбивой мечты о poste министра, а теперь, при виде того, как их назначают и удаляют, как пешек, мы не перестаем повторять: Слава Богу, что С[ергей] Ф[едоровича] миновала эта чаша. Только бы ничто не помешало ему осенью сразу уйти в отставку и отдаться своему любимому делу — науке» (18 июня 1915 г. Л. 78—78 об.).

Из императорской семьи, помимо Николая II, наиболее часто упоминаются великие князья Николай Михайлович⁴⁵ и Константин Константинович. Первый являлся председателем Русского исторического общества (РИО), членом Совета которого состоял С.Ф. Платонов, второй состоял почетным попечителем Женского Педагогического института, директором которого яв-

длся историк. Что касается первого, то его (со ссылкой на С.Д. Шереметева) Н.Н. Платонова характеризует так: «вел[икий] кн[язь] Николай Мих[айло-вич], лгун и фальшивый человек» (29 января 1915 г. Л. 12 об.—13 об.), — что, по-видимому, отчасти можно объяснить тем, что у ее мужа возникли конфликтные отношения с князем в РИО, и тем, что он являлся противником назначения С.Ф. Платонова на пост директора Публичной библиотеки вместо престарелого А.Ф. Кобеко⁴⁶. В последнем эпизоде участвовал и в. кн. Константин Константинович. Об этом находим упоминания в записи Дневника, сделанной незадолго до смерти великого князя в мае 1915 г.: «Вчера С[ергей] Ф[едорович] был в Павловске у вел[икого] князя, который по наружному виду в довольно хорошем состоянии физически; но сердечные припадки у него все продолжают, он принимает постоянно нитроглицерин (ведь это от грудной жабы!) и утешает себя тем, что А.Ф. Кони⁴⁷ давно страдает так же и лечится тем же — плохое утешение! — Между прочим вел[икий] князь сказал С[ергею] Ф[едорови]чу, что Игн[атье]в, после своего назначения, завтракал у них в Павловске и говорил, что имеет в виду предложить С[ергею] Ф[едорови]чу «высокое назначенис» (т. е., очевидно, пост товарища мин[истра]); на это вел[икий] князь ему ответил: он не примет, да и зачем ему? Он хочет отдаться науке; вот если бы Вы ему предложили стать директором Публ[ичной] библи[отеки], это другое дело. — На это С[ергей] Ф[едорович] сказал вел[икому] князю, что, по слухам, вопрос о замещении поста директора Публ[ичной] Библи[отеки] очень сложен, т[ак] к[ак] здесь замешан вел[икий] кн[язь] Н[иколай] М[ихайлови]ч (кажется, в пользу Н.П. Лихачева⁴⁸), и Государь это знает. Но вел[икий] князь очень живо на это возразил: А мне какое дело? Я все силы употреблю, чтобы добиться для Вас к[акого]-н[ибудь] почетного назначения при Вашем уходе из Пед[агогического] Инст[итута], чтобы никто не имел права сказать, что я высосал из Вас все соки, а потом предоставил Вам оставаться не у дел. Это вопрос моей чести. — И вот, мы увсерены, все убеждены в том, что С[ергей] Ф[едорович] — честолюбивый карьерист, который спит и видит, как бы стать министром, и никого не убедить в том, что сейчас мы мечтаем только об одном: о почетной отставке, которая дала бы возможность С[ергею] Ф[едорови]чу заняться своей наукой» (7 мая 1915 г. Л. 67—67 об.).⁴⁹ Вообще, о великом князе Константине Константиновиче Н.Н. Платонова отзывалась всегда удивительно тепло, несмотря на то, что он возглавлял «либеральную» Академию наук. В Дневнике содержится описание кончины князя, которая воспринималась семьей Платоновых как личное горе (11 июня 1915 г. Л. 70—72).

Интересны в Дневнике характеристики и оценки ряда политических деятелей межреволюционной эпохи: премьеров С.Ю. Витте⁵⁰ (27 февраля 1915 г. Л. 36—36 об., 38 об.—39 об.), И.Л. Горемыкина (1 февраля 1914 г. Л. 1; 24 августа 1915 г. Л. 3—4) и Б.В. Штюрмера⁵¹ (24 августа 1915 г. Л. 5; 19 января 1916 г. Л. 67—68 об.; 21 января 1916 г. Л. 68 об.; 15 февраля 1916 г. Л. 91 об.—92 об.;

3 ноября 1916 г. Л. 119–120 об.), в. кн. Николая Николаевича⁵² (24 августа 1915 г. Л. 5), министров А.В. Кривошеина (28 октября 1915 г. Л. 35–37) и В.А. Сухомлинова⁵³ (4 апреля 1915 г. Л. 57 об.–58; 23 августа 1916 г. Л. 2–2 об.; 25 января 1916 г. Л. 75; 2 мая 1916 г. Л. 105 об.–106), П.К. Бенкендорфа⁵⁴ (29 января 1915 г. Л. 13–13 об.; 31 января 1915 г. Л. 18 об.), С.Д. Шереметева (29 января 1915 г. Л. 12 об.; 10 декабря 1915 г. Л. 60) и многих других. Особенно много «гносного Распутина»⁵⁵ (24 августа 1915 г. Л. 3–4; 12 сентября 1915 г. Л. 17–17 об.; 24 сентября 1915 г. Л. 18 об.–20; 30 сентября 1915 г. Л. 22–23; 11 октября 1915 г. Л. 24 об.–25; 9 ноября 1915 г. Л. 46–46 об.; 16 ноября 1915 г. Л. 51 об.–53 об.; 6 февраля 1916 г. Л. 86 об.–87; 11 марта 1916 г. Л. 98 об.–99 и др.).

О С.Ю. Витте Н.Н. Платонова отзывается в целом благожелательно, хотя и не без свойственной почти всем личностным характеристикам, приводимым в Дневнике, доли критичности: «Умвр Витте — чрезвычайно неожиданно и быстро от какой-то стрептококковой инфекции (которая теперь здесь имеет положительно эпидемический характер), осложнившейся воспалением ушей и менингитом. Сильный человек сошел со сцены, и из какой талантливой семьи: Зинаида Р.⁵⁶, Блаватская⁵⁷, Желиховская⁵⁸, ген[ерал] Фадеев⁵⁹. Сегодня его хоронят, а Государя нет здесь: он опять уехал в действ[ующую] армию; будь он здесь, интересно знать, присутствовал ли бы он на похоронах; он несомненно считал, после 1906-го г., Витте изменником (т. е. перед самодержавием, а не перед Россией) и П.Н. Милюков м[ожет] б[ыть] даже боялся его» (27 февраля 1915 г. Л. 36–36 об.). В следующей записи Н.Н. Платонова развивает эту тему: «А на похоронах Витте, принятых Гос[ударственным] Советом на счет гос[ударст]ва, так никто из царской семьи и не был. И от Г[осуда]ря, по-видимому, вдова не получила телеграммы (было упоминание о телеграммах “от высоких особ”, но Г[осуда]рь так ведь не называется), а какая телеграмма была от Г[осуда]ря отцу Кассо после смерти последнего! Видно, не могут они примириться с 17-м Окт[ября]!» Впрочем, в своих замечаниях об ушедшем государственном деятеле Н.Н. Платонова не удержалась и от пересказа сплетен о нем, в частности, слухов о его любовных похождениях: «Смерть Витте стоит несомненно в связи с сифилисом, которым В[итте] был дважды болен еще во времена своего студенчества; его вылечили и даже на нос наложили слой новой кожи, но предупредили, что для него м[ожет] б[ыть] гибельным всякое заболевание носоглоточной и ушной полости — так на этот раз и вышло. <...> Своих обеих жен⁶⁰ В[итте] развел с их мужьями и женился на них. <...> В[итте] был человек грубой и страстной натуры; он всю жизнь был так занят, что у него не было времени сблизиться с женщинами, наблюдать их и т. д., но если кто из них останавливал на себе его внимание, страсть в нем разгоралась, и никаких препятствий для него не существовало. Его вторая жена, знаменитая Матильда, гродненская еврейка, крещеная; первый муж ее был Лисаневич⁶¹ (кажется инженер). Ни от первой, ни от второй жены детей у В[итте] не было⁶²» (6 марта 1915 г. Л. 38 об.–39 об.).

Резко отрицательный характер носят оценки, данные в Дневнике другому премьер-министру — Б.В. Штюмеру. Само назначение его премьер-министром было воспринято Н.Н. Платоновой с негодованием. Уже с появлением слухов об этом событии Н.Н. Платонова помещает в Дневнике несколько страниц, посвященных будущему премьеру: «Вчера С.А. Адрианов⁶⁵ принес сенсационную новость: будто Горемыкин уходит в отставку, причем ему даруется графский титул [на полях рядом с этой фразой надпись: 5 февр[аля] Графский титул ему не дан], а на его место назначается Б[орис] Вл[адимирович] Штюмер, (который теперь ведь уже переименовал свою фамилию на русскую, и по какой-то своей бабке⁶⁴ называется Паниным). Сегодня в “Речи” сообщается, что и он и Гор[смыки]н выезжали в Царское Село, т[ак] ч[то] все это становится похожим на правду, и даже страшно подумать, как может стать приемником. Ведь мы лето 1914 г. жили на даче в имении Штюмера на Волге под Рыбинском и насмотрелись на эту достойную чету Штюмеров: какое корыстолюбие, алчность, неуважение к чужой личности, угнетение всех слабых или находящихся в зависимости от них людей! Какое несоблюдение взятых на себя обязательств, какой непокрытый чистой воды эгоизм! Какие притеснения терпела от них прислуга, которую буквально морили голодом! Как они забирали товар в лавках рыб[инских] купцов и затем или вовсе не платили за него, или платили сколько хотели, а если кто из купцов протестовал, то на него жаловались рыб[инскому] полицмейстеру, у которого М-ме Штюмер⁶⁵ крестила кого-то из детей, и он штрафовал непокорных. Как она не доплатила, кажется, 12 р. своему французу — повару, который в начале войны должен был уехать во Францию и стать в ряды войск, а когда он стал требовать у нее этих денег, она по телефону вызвала из Рыб[инска] урядников или стражников и под конвоем его отправила, бедного француза ночью в Рыб[инск]! При этом обыкновенно все говорят: это все она, а сам он прекрасный человек. Но неужели этот прекрасный человек не видит всех безобразий своей супруги? И, если бы он не был тряпкой, неужели он не обуздал бы ее? У них два сына⁶⁶, и оба, по словам Гурлянда, близко знающего эту семью, негодяи. Неужели причина этого не в родителях?» (19 января 1916 г. Л. 67—68 об.). Через несколько дней, когда назначение Б.В. Штюмера стало уже состоявшимся фактом, Н.Н. Платонова продолжает свою критику нового премьера: «Штюмер (почему-то под этой фамилией, а не под новой русской⁶⁷) назначен; в газетах уже появились его портреты с биографическими данными. Со всех сторон слышишь по поводу этого назначения возгласы недоумения и несочувствия. Неужели в России нет более крупных и более порядочных людей для такого высокого и ответственного поста? Один Бог знает, что из этого может выйти. Во всяком случае Шт[юмер] — представитель крайне правой партии, и потому в Мин[истерстве] Нар[одного] Пр[освещения] думают (Гливенко, Кораблев⁶⁸), что Игнатъев уйдет: гр[аф] Ан[дрей] Бобринский⁶⁹, близкий друг Шт[юмера], неоднократно привлекался Игнатъевым к разным ко-

миссиям и т. д. и с неодобрением относился ко многому в министерстве, из этого и заключают, что Игн[атъ]ву придется уйти» (21 января 1916 г. Л. 68 об.—69). И в дальнейшем вплоть до самой отставки председателя правительства на страницах Дневника его фигура предстает то и дело в негативном и уничижительном контексте. В частности, Н.Н. Платонова с одинаковым упоением пересказывает критику Б.В. Штюрмера со стороны В.М. Пуришкевича⁷⁰ (см. запись от 15 февраля 1916 г. Л. 91 об.—92 об.) и П.Н. Милюкова и всем ходом изложения соглашается с последним в том, «что для немцев очень приятно премьерство Штюрмера, что они считают возможным заключение сепаратного мира, т. к. за него *die junge Zarin*⁷¹» (3 ноября 1916 г. Л. 119 об.).

Особым вниманием на страницах Дневника пользовались министры народного просвещения. Если личности А.Н. Шварца (см. 6 января 1915 г. Л. 2 об.) и, особенно, Л.А. Кассо (см. 1 февраля 1914 г. Л. 1) воспринимались Н.Н. Платоновой однозначно негативно, то к удачливому конкуренту С.Ф. Платонова, графу П.Н. Игнатьеву, отношение было более сложное. В начале Н.Н. Платонова демонстративно пытается сохранить объективность в оценке нового министра: «Говорят, новый министр (сын покойного посла в Конст[антинопо]ле)⁷² просвещенный человек, что он неоднократно выступал в разных думских комиссиях и очень нравился депутатам (членам Г[осударственной] Думы), что он заведовал учебными заведениями, находящимися в Мин[истерстве] земледелия, и председательствовал на каком-то съезде. Интересно знать, как теперь пойдут дела в Мин[истерств]е; определенно говорят, что И[гнатьев] немцев не любит, а Кассо столько их насаждал и так открыто презирал русских! <...> Е.Ф. Тураева⁷³ говорит, что вообще слухи о И[гнатьев]е идут хорошие, но вот что ее смущает: Моск[овский] Музей Александра III⁷⁴ создан главным образом на средства покойного Нечаева-Мальцева⁷⁵, главным наследником которого является И[гнатьев]. Н[ечаев]-Мальцев предложил администрации Музея устроить еще кое-что в Музее; это обошлось в 30 000 р., но Н[ечаев]-Мальцев не успел оплатить этого расхода; когда же Музей обратился к И[гнатьев]у (который, говорят, получил после Н[ечаева]-Мальцева 16 или 17 миллионов) через его управляющего, И[гнатьев] в ответил, что Музей его не интересуется и расхода этого он не предполагает покрывать» (12 января 1915 г. Л. 3—4). Дальше следует новая критика министра — особое недовольство Платоновых вызывали планируемые П.Н. Игнатьевым реформы средней школы. В Дневнике есть несколько записей по этому вопросу. В частности, вот что писала Н.Н. Платонова в апреле 1915 г.: «Игнатьев решил созвать совещание по реформе средней школы и устроил это как-то необыкновенно скоропалительно: 19-го [апреля] С[ергей] Ф[едорович] получил от него приглашение принять участие в одном совещании, которое в три дня 21-го—23-го [апреля] должно рассмотреть все труднейшие и сложнейшие вопросы, касающиеся средней школы! С[ергей] Ф[едорович] даже рад, что у него налицо благовидный предлог для уклонения от этого со-

вешания: [...] сегодня он уехал в Новгород, где должен, согласно своему давнишнему обещанию, прочесть завтра, 23-го, публичную лекцию о Новгородском вече. Многое не нравится С[ергею] Ф[едоровичу] в этом созыве совещания: и скоропалительность, которая как бы заранее обрекает дело на безрезультатность, и краткий срок для его работы, и отсутствие, среди привлеченных к нему лиц, людей компетентных. Программа для совещания, например, написана Шев[яков]м⁷⁶, который совершенно не знает русской средней школы (и сам он и его дети — ученики нем[ецкой] реформаторской школы); пока Рачинский⁷⁷ не вступил в исполнение обязанностей товарища министра народного просвещения, Шев[яко]в один ведает и среднюю, и высшую школу» (22 апреля 1915 г. Л. 64—64 об.). В следующей записи содержатся критические выводы относительно результатов совещания: «Вот и кончилось совещание о средней школе. В каких-нибудь 3 или 4 вечера был подписан смертный приговор классицизму, этой великой гуманизирующей силе, и кем подписан?» (28 апреля 1915 г. Л. 64 об.).

Революционные потрясения 1917 г. заставили автора Дневника несколько поменять акценты в изложении событий: отойти от описания «властных интриг» и личных свойств их участников и в большей степени сосредоточиться на политической характеристике лиц и событий. Вчерашние недруги оказались в лагере союзников по сравнению с новой силой — большевиками.

Революция предрекалась Н.Н. Платоновой уже несколько месяцев, поэтому слова «Вот и разразилась революция», записанные в апреле 1917 г., выглядят как констатация того, что давно должно было произойти (6 апреля 1917 г. Л. 43). Однако с этого момента тот критический пафос, который ранее был направлен против властей, связан с описанием действий «толпы» и радикальных политиков. После описания подробностей революции в Кронштадте (избиения офицеров и пр.) (13 апреля 1917 г. Л. 45 об.—46 об.) Н.Н. Платонова переходит к характеристике личности, опасность которой для нее стала очевидна сразу же после ее появления: «А тут еще этот ужасный Ленин и “ленинцы”: проехали они через Германию, хотя и в запломбированном вагоне; все мы, конечно, понимаем, что если Вильгельм⁷⁸ пропустил его через свою страну, то только потому, что считает выгодным для себя его возвращение в Россию. Ходят слухи даже, что он виделся и с Вильгельмом и с Гинденбургом⁷⁹. Здесь на Финл[яндском] вокзале его торжественно встречали, с депутациями и музыкой (был, между прочим, Моск[овский] полк). <...> Поселили этих господ во дворце Кшесинской⁸⁰ (он ведь уже объявлен общественным достоянием); около него постоянно стоит толпа и кто-нибудь ораторствует — больше, говорят, не сам Ленин (который, по уверению Миши⁸¹, появляется и говорит там только по ночам), а кто-нибудь из “ленинцев”; происходят ожесточенные споры между “ленинцами” и их противниками, причем несогласных с Лениным иногда арестуют, а иногда, говорят, оратору-ленинцу приходится спешно спасаться во дворе или в доме, чтобы не быть побитым. Кто собственно

этот Ленин (настоящая его фамилия Ильин), почему и с каких пор он оказался эмигрантом, я не знаю. Теперь лозунг его: прекратить во что бы то ни стало немедленно войну, т[ак] к[ак] мы будто бы в ней виноваты, прекратить ее явочным порядком: просто увести войска с фронта, а там пусть будет, что будет; войну затеяли и поддерживают буржуи, которыми оказываются не только Родзянко⁸² и Милюков, но и Керенский⁸³ и Чхеидзе⁸⁴. Все это возбуждает ожесточенные споры. Вчера вечером Наташа⁸⁵, возвращаясь с экзамена на Курсах, видела массу народа на Большом и Каменностр[овском] пр[оспектах], во многих местах собираются толпы, и везде речь идет о Ленине: кто за него, кто против. Говорят, среди солдат растет возбуждение против него; несколько дней тому назад прошел слух, что Лиговский полк его арестовал, но это неправда. С фронта солдаты требуют строжайшего расследования вопроса о том, каким образом Л[енин] просрал через Германию. С другой стороны 2-й Гвард[ейский] Экипаж выразил свое искреннее сожаление по поводу своего участия в торжественной встрече, устроенной Ленину; они думали, что честуют принципиального деятеля, борца за идею, а раз он приехал в Россию с разрешения Вильгельма, то может возвращаться обратно в Германию» (13 апреля 1917 г. Л. 46 об.—48 об.). В дальнейших записях (май 1917 г. и далее) В.И. Ленин выступает как один из основных персонажей; Н.Н. Платонова как бы предчувствует, какая роль ему предстоит (см. 23 апреля 1917 г. Л. 50—51; 22 мая 1917 г. Л. 63 об.).

В записях апреля—мая 1917 г. упоминается еще один важный сюжет: переговоры С.Ф. Платонова с Д.К. Петровым⁸⁶, Я.Л. Барсковым⁸⁷, Э.Д. Гриммом⁸⁸, А.И. Гучковым⁸⁹ об организации праволиберальной партии, которые, видимо, завершились провалом (28 апреля 1917 г. Л. 53—53 об.; 11 мая 1917 г. Л. 58—59).

Разложение армии, разруха, ощущение нарастающей катастрофы, хаоса естественно «погружают» читателя в атмосферу эпохи. Тон записей становится поистине отчаянным: «Минутами кажется, что гибель России неизбежна и уже близка» (2 ноября 1917 г. Л. 68 об.). Захват Зимнего дворца большевиками в этих условиях не был воспринят Н.Н. Платоновой как нечто историческое. Куда большее значение она придавала их земельному декрету: «Вышли почти исключительно большевистские газеты с ужасным манифестом о земле. Что будет в деревне, если он туда проникнет?» (28 октября 1917 г. Л. 66 об.) — и гибели юнкеров в результате переворота: «Сегодня хоронят погибших за эти дни юнкеров. Несчастные мальчишки, за что они погибли?» (7 ноября 1917 г. Л. 72).

Однако с конца ноября 1917 г., когда суть нового политического режима стала прорисовываться, большевики становятся основным объектом ненависти автора. Основной пафос Дневника теперь связан с описанием этой «чумы» или «бешенства», как Н.Н. Платонова именует большевизм: «Вокруг свирепствует террор» (24 августа/4 сентября 1918 г. Л. 76 об.); «Просто рука не поднималась писать — такие ужасы творятся вокруг. Царит форменный террор»

(8/21 сентября 1918 г. Л. 76 об.). В течение нескольких лет Н.Н. Платонова изо дня в день фиксирует конкретные акты большевистского террора: «...арестованы Шульгин⁹⁰, Астров⁹¹, Кокошкин⁹² |—| — кажется, все они выбраны в Учред[ительное] Собрание. Что это — начало разгона Учр[едительного] Собр[ания]?» (28 ноября 1917 г. Л. 80 об.); «Кадеты объявлены врагами народа, у них проводятся обыски» (1 декабря 1917 г. Л. 80 об.); «Москва совсем раздавлена, патриарх, по-видимому арестован (а не под домашним арестом), в Кремле звона совсем нет: запрещено» (14/27 декабря 1918 г. Л. 55—55 об.); «Говорят, в Киеве погиб Туган-Барановский⁹³, а при взятии Харькова случайно убит А.Я. Ефименко⁹⁴» (31 января/13 февраля 1919 г. Л. 92 об.); «Адрианова освободили вчера к вечеру — по-видимому, между прочим, по ходатайству Горького⁹⁵. Говорят, что Горький в свое время очень хлопотал о том, чтобы спасти и освободить 4 великих князей (Ник[олая] и Георгия Ми[хайлови]ч⁹⁶, Дм[итрия] К[онстантинови]ча⁹⁷ и Павла Ал[ександрови]ча⁹⁸), ездил в Москву, вернулся отсюда с декретами, освобождавшими двух из вел[иких] князей совсем, двух — на поруки, и на вокзале здесь узнал, что все четверо расстреляны; говорят, он упал в обморок...» (22 марта/3 апреля 1919 г. Л. 26 об.—27); «Переживаем кошмарные дни: идут бесконечные аресты — главным образом среди евреев-сионистов и членов к-д. Арестован Дав[ид] Гримм⁹⁹, Ольденбург, Браун¹⁰⁰, Осадчий¹⁰¹ (директор Электро-техн[ического] Инст[итута]), вообще масса профессоров-техников. Говорят, в Публ[ичной] Библ[иотеке] разыскали партийные списки к.-д. и по ним арестовывают. Гринберг¹⁰², говорят, носится по всему городу, ходатайствуя за арестованных, но мало чего достиг он, напр[имер] о Доб[иаш]-Рожд[ествен]ской¹⁰³ (в ответ на заявление, что она больна, страдает сердечными припадками) ему ответили: ее освидетельствуют, но когда это будет, сказать не можем» (23 августа/5 сентября 1919 г. Л. 9 об.); «Там [в Москве], как и здесь, массовые аресты среди к-д. Между прочим, арестованы супруги Богословские¹⁰⁴, попавшие в ловушку в квартире проф[ессора] Петрушевского¹⁰⁵. С[ергей] Ф[едорович] думает, что аресты к-д. стоят в связи с письмами Картанева¹⁰⁶ и арестом Аменицкой¹⁰⁷, которая, по слухам, печатала какие-то прокламации к-д. <...> Заходил вчера на минуту Дм[итрий] К[онстантинови]ч [Петров]: в У[ниверсите]те экстренное заседание Совета; арестовано 17 профессоров. <...> Гринберг ездил в Москву хлопотать за арестованных и добился освобождения только двоих: О.А. Добиаш-Рождественской и С.Ф. Ольденбурга. — По городу прошел уже слух, что арестован С[ергей] Ф[едорович] [Платонов] (вероятно, смешали с С[ергеем] Ф[едоровичем] Ольд[енбург]ом)» (27 августа/9 сентября 1919 г. Л. 22—22 об.); «Только что вернулся С[ергей] Ф[едорович] и сообщил ужасное известие: в связи с каким-то раскрытым заговором к-д. расстреляно 67 кадет! Из здешних пока только Князьков¹⁰⁸ (историк, преподаватель гимназии Стоюниной), а из москвичей Астров, Шепкин¹⁰⁹, супруги Алферовы (Ал[ександра] С[амсонов]на и А[лександр] Дан[илови]ч)¹¹⁰ — полного списка я еще не видела (Аменицкая,

говорят, давно расстреляна)» (10/23 сентября 1919 г. Л. 32 об.); «вокруг люди мрут как мухи; умер проф[ессор] Ходский¹¹¹, и по этому поводу в Унив[ерсите]те говорят, что почти ежедневно умирает по профессору—» (28 ноября/11 декабря 1919 г. Л. 85—85 об.).

Особый сюжет Дневника составляет описание обысков и ареста С.Ф. Платонова в 1917—1919 гг. Первый обыск у историка (и последующий арест) произошел в мае 1919 г. В.С. Брачев справедливо отметил, что этот эпизод «не отразился на научно-административной карьере ученого»¹¹². Однако эмоциональное потрясение для семьи было, судя по всему, велико, хотя арест для С.Ф. Платонова был вполне ожидаем. Вот какое описание событий мы находим в записи от 20 мая/2 июня 1919 г.: «Какие ужасные дни мы пережили! В ночь с 14-го на 15-е (27 на 28-е) [мая] около 2 часов ночи к нам явились с ордером на обыск и арест С[ергея] Ф[едоровича]. Ордер был от Чрезв[ычайной] Комиссии. С[ергей] Ф[едорович] предъявил свои документы, и «товарищи» ушли (их было только двое, и с ними председатель Дом[ового] Ком[итета] Аничков). Мы обрадовались, что все благополучно кончилось <...> оказалось, что несколько человек из нашего дома было уже арестовано, вообще же намечено 8 квартир <...> но в общем доставили в комендатуру из нашего дома меньше арестованных, чем было предписано, получили за это нахлобучку, явились во 2-й раз и взяли С[ергея] Ф[едоровича] <...> (в начале 7-го ч[аса] утра). На мой вопрос, куда их отведут, я получила ответ: в Комендатуру (Б. Пушкарская, 59); кроме того Аничков шепнул, что, как ему удалось узнать, оттуда их переведут на Звенигородскую, в Егерские казармы, где предусмотрено устроить концентрационный лагерь для арестованных. Мы <...> приготовили наскоро корзинки с провизией, бросились на Пушкарскую, но узнали, что всех арестованных оттуда уже увезли, куда — нам не сказали и вообще говорить с нами не пожелали. Мы вышли вместе с какими-то незнакомыми дамами и не знали, куда направляться, но тут одна из дам сказала, что в Комендатуре кто-то назвал сй Военную тюрьму на Нижег[ородской] ул. и что она туда поедет; я запомнила это, но поехала сначала на Звениг[ородскую] ул., потом на Рузавскую ул. — ничего не нашла и отправилась на Нижег[ородскую] ул.; оказалось, что они там. Мою корзину передали; видеть С[ергея] Ф[едоровича], конечно, было нельзя. Вернувшись домой, я немедленно оповестила всех жен и матерей, что арестованный на Нижег[ородской] ул. Между тем по поводу ареста С[ергея] Ф[едоровича] поднялся страшный шум; говорят, в Гл[авном] арх[ивном] упр[авлении] никто в этот день делами не занимался; Гринберг бросил все и поехал хлопотать сам. Около 7 ч[асов] Кристи¹¹³ <...> сказал мне по телефону, что Щеголев¹¹⁴ был в Смольном и при нем Зиновьев отдал распоряжение об освобождении С[ергея] Ф[едоровича] — около 12 ч[асов] ночи С[ергей] Ф[едорович] был уже дома. Оказывается, что при допросе следователь (безусый юнец) прямо сказал: Вас многие знают, поэтому Вы для нас интересный заложник; теперь борьба; многих красноармейцев

расстреливают и мучат; если это будет продолжаться, мы будем расстреливать заложников» (Л. 67–69).

В июне 1919 г. у Платоновых был проведен новый обыск, о котором Н.Н. Платонова опять поведала в Дневнике: «Сегодня ночью у нас опять было “посещение”: около 4 ч[асов] утра явились, в сопровождении Аничкова, в нашу квартиру штук 6 женщин и 1 мужчина (другой остался на площадке парадной двери, на лестнице), все по виду заводские рабочие, и потребовали документы всех, особенно мужчин. Аничков шепнул С[ергею] Ф[едоровичу], что у них ордер решительно на все: обыск, арест и т. д. У нас все оказалось в порядке, они бегло осмотрели комнаты и ушли по другим кварталам. С[ергей] Ф[едорович] сказал сейчас из Арх[ивного] упр[авления] по телефону, что во всем городе были такие “посещения” и что масса народа арестована из-за малейших неисправностей в документах» (31 мая/13 июня 1919 г. Л. 3 об.).

Анализ происходящих событий последовательно отражает мировоззрение автора и его отношение к новой власти: «Вчера С.А. Венгеров¹¹⁵ говорил С[ергею] Ф[едоровичу] в унив[ерсите]те, что Ленин такой слепой и непримиримый фанатик, что его ничто разубедить не может в правильности его убеждений; до сих пор он вполне верит, что идет по единственно правильному пути, и при этом он не преследует никакой абсолютно корыстной цели. — Но ведь это — тем хуже для нас, объектов его экспериментов. Сегодня С[ергей] Ф[едорович] опять говорил, что с течением времени для него делается все более и более очевидным что πρωτοφυεσοφ¹¹⁶ всего ныне происходящего коренится в космополитическом настроении нашей интеллигенции, начинающая с Герцена, Грановского и Белинского. Эти крупные, талантливые люди и их последователи воспитали целый ряд поколений так наз. 3-го сословия — без родины, без национальности, без религии — плоды этого теперь и сказываются. М[ожет] б[ыть], в поколении нашего Миши (М.С. Платонова. — *Е. Р.*) и следующих и проснется, par esprit de contradiction¹¹⁷, здоровое национальное чувство...» (23 февраля 1918 г. Л. 15–16).

С этих позиций объяснимо и довольно критическое отношение Н.Н. Платоновой к тем, кто подрывал устои прежней власти: «Недавно умерла Засулич¹¹⁸, умерла в голоде и нужде, минутами подумывая даже о самоубийстве. Каково умирать в теперешней обстановке деятелям, подобным Засулич? Из всех смертей последнего года меня больше всего поразила смерть П.Б. Шаскольского¹¹⁹ <...> Сколько трагизма в смерти П[етра] Б[орисовича]: всю жизнь он все свои силы посвящал революционированию народа, главным образом рабочих, читал лекции, участвовал в митингах, устраивал нелегальные собрания, печатал брошюры и сам погиб жертвой революции, когда она разразилась. И сколько таких неожиданных жертв ее!» (6/19 мая 1919 г. Л. 59–60).

Другая аналогичная по содержанию запись и даже более резкая по тону (поскольку речь идет не о революционерах, а о профессорах, получавших жалование от государства): «Старик Н[иколай] Ст[ефанович] Таганцев¹²⁰

окончательно впал в нищету и маразм, ходит и старается пролать никому не нужные черновики своих трудов. Через Гринберга, вообще очень доброго человека, удалось достать на эту покупку 15.000 р. Конечно, жаль старика, но думая о нем <...> и Кони: эти поделом терпят теперь, п[отому] ч[то] оба всю жизнь всякой власти, всякому правительству ставили палки в колеса» (30 ноября/13 дек. 1919 г. Л. 85 об.—86).

Отдельный аспект происходящего Н.Н. Платонова видит в национальной составляющей революции. Речь идет о так называемой подрывной деятельности со стороны, главным образом, двух народов — немцев и евреев, — на которые на протяжении всего Дневника автор смотрит настороженно. Тема немецкого (или немецко-еврейского) заговора активно проводится на страницах Дневника вплоть до осени 1918 г. Приведем характерный отрывок из рассуждений на эту тему автора Дневника: «На днях М[ихаил] Дм[итриевич] Приселков¹²¹ рассказал Преснякову¹²² такую интересную вещь: Он, Приселков, ночью нес дежурство в доме на Миллионной, где он живет; смеить его должен был другой обитатель этого дома Путятин¹²³, который опоздал на дежурство и в свое извинение рассказал, что его задержал истерический припадок, случившийся в его квартире с вел[иким] кн[язем] Мих[аилом] Ал[ександровиче]м (последний почему-то и свое отречение подписал на квартире этого Пут[яти]на). Оказывается, к Мих[аилу] Ал[ександровичу] явилась некая кн. Шаховская <...> и заявила ему от имени Вильгельма, что Мих[аилу] Ал[ександровичу] бояться нечего, что, если немцы явятся сюда, Вильгельм о нем позаботится — или что-то в этом роде. Мих[аил] Ал[ександрович] пришел в страшное негодование, говоря: неужели они не понимают, что я не только вел[икий] князь, но и офицер русской армии? и впал в истерику. Вообще чувствуется, что вокруг нас ведется какая-то немецкая интрига, что мы в сетях. <...> Кони рассказал далее о случае, бывшем с его знакомым Литовченко¹²⁴ (председатель одного из деп[артаментов] здешней суд[ебной] палаты). Тот встретил недавно на улице какого-то немца, своего приятеля, которого он знал за границей и даже с ним на ты. Л[итовченко] спросил у немца, что он тут делает, и услышал в ответ, что офицер нем[ецкого] Генер[ального] Штаба и здесь по службе. По ходу разговора, Л[итовченко] счел его за нем[ецкого] шпиона и доставил в Смольный; там к ним вышел какой-то жидок, немца сейчас же отпустил, а Л[итовченко] посоветовал заниматься своими делами, а в госуд[арственные] не вмешиваться. После этого Л[итовченко] сказал немцу: извини, что я тебя сюда доставил — на что немец ответил: на твоём месте я поступил бы точно так же. Но какие странные люди Вы, русские: неужели Вы не видите, что Ваша столица уже разделена нами на участки, во главе которых стоят офицеры нем[ецкого] Ген[ерального] Штаба? Скоро мы дадим Вам правительство, с которым можно будет заключить прочный мир, передают и другие подобные случаи» (14 декабря 1917 г. Л. 87—88 об.).

Н.Н. Платонова была также глубоко убеждена, что в революции во многом повинны евреи, не любящие и не понимающие Россию. Поэтому посто-

янно в записях присутствует тема евреев-большевиков. Приведем несколько характерных примеров: «Недавно Ниночка¹²⁵ слышала... что Троцкий (Бронштейн)¹²⁶ питает личную ненависть к России и поставил себе целью как можно больше навредить ей. Это понятно, но о чем думают русские большевики?» (29 октября 1917 г. Л. 68–68 об.); «Вчера Тарле сказал С[ергею] Ф[едоровичу]: Кто бы мог подумать, что Бела-Кун¹²⁷ (председатель Совета комиссаров Венгерской республики) – Виленский еврей? <...> в Ильинском (имени великого князя) Сергея Александровича¹²⁸) живет на даче целая «компашка» жидов – главарей большевиков; м[ожет] б[ыть] они избрали именно это место, п[отому] ч[то] отсюда легче убежать» (2/15 августа 1919 г. Л. 24). Вообще, к проблеме якобы зловещей роли «жидов» в революции 1917 г. автор Дневника возвращается многократно (5/18 февраля 1919 г. Л. 1–1 об.; 11/24 апреля 1919 г. Л. 38–39 об.; 3/16 июня 1919 г. Л. 4 об.–5).

По поводу русско-еврейского вопроса Н.Н. Платонова временами даже впадает в отчаяние: «Вообще я прихожу в уныние и даже отчаяние от нем[ецкого] и евр[ейского] засилья: не говоря уже о большевиках, среди которых, кроме Ленина, все видные члены – евреи и в других партиях на все видные места выбирают не русских: ректор здешнего Унив[ерсите]та Гримм, в Ист[орико]-Фил[ологическом] Инст[иту]те директором избрали Брауна (вместо Латышева¹²⁹), в Публ[ичной] библ[иотеке] директором избран Радлов¹³⁰, вице-дир[ектором] еврей Браудо¹³¹ – где же русские? А директором Пед[агогического] Инст[итута] состоит С.В. Рождественский¹³² – и никуда не годится – неужели нет русских, которые бы на ч[то]-н[ибудь]годились?» (23 мая 1918 г. Л. 40–41).

В то же время вплоть до конца 1920 г. Н.Н. Платонова надеется на разгром большевистского режима: «Все идут слухи, что царство большевиков скоро кончится, но этому как-то плохо верится» (23 мая 1918 г. Л. 40); «Вчера С[ергей] Ф[едорович] с разных сторон слышал, что развязка близка, что большевики доживают последние дни, но это говорили уже столько раз!» (23 сентября/6 октября 1918 г. Л. 4); «Горький будто бы тоже выразился, что для большевиков наступил конец» (27 октября 1918 г. Л. 14 об.). К ноябрю 1918 г. вопрос о капитуляции большевиков казался Н.Н. Платоновой настолько решенным, что она даже переживала, что многие из них (по предполагаемому, по слухам, соглашению с Антантой) уйдут от ответственности («идейным» большевикам разрешить эмигрировать): «А только жутко и больно думать, что под флагом “идейных больш[евико]в” могут быть выпущены и остаться безнаказанными эти злодеи, пролившие реки невинной крови, “соблазнившие” десятки тысяч “малых сих”, надругавшихся над Россией и ее верой, над наукой, над нашей душой!» (16/29 ноября 1918 г. Л. 37 об.). Хотя ничего не происходило, надежда на свержение ненавистного режима поддерживала Платоновых. В этом смысле характерна запись, сделанная в начале 1919 г.: «Вот и праздники пришли, а между тем праздничного настроения совсем, конечно, нет.

В сущности, только теперь понимаешь, как в глубине души сильна была надежда на то, что праздники мы встретим уже хорошо. <...> Пресняков говорил на днях С[ергею] Ф[едоровичу], что с того дня, как Ленина в Москве ранили, во всех его речах, за которыми следил Пр[есняко]в, ясно видно желание уйти — на этом основании Пр[есняко]в склонен верить, что он — сторонник капитуляции. (Пр[есняко]в тоже слышал о 15-м янв[аря] как о сроке, к которому все должно быть кончено!)» (27 декабря 1918 г./9 января 1919 г. Л. 62 об.—64). Вскоре Н.Н. Платонова опять с горечью пишет: «Вот и Пасху мы встретили, а тех перемен, которых жаждет душа и о которых говорят все вокруг, все нет» (10/23 апреля 1919 г. Л. 36).

По мере роста несудач «белого движения» все больше надежд Н.Н. Платонова связывает с предполагаемой англо-французской интервенцией. В этом смысле характерны следующие записи, сделанные в апреле 1919 г.: «Вчера напечатана речь Ллойд-Джоржа¹³³: они не признают и никогда не признают больш[евистско]го правительства и никогда не вступят с ним ни в какие соглашения, но они предоставляют России самой справиться с больш[евизмо]м и войск для этого не дадут, а только будут помогать оружием и деньгами. — Конечно, это совершенно естественно, но все-таки испытываешь большое разочарование: освобождение казалось возможным и близким, а теперь кажется, что опять все откладывается» (29 апреля/12 мая 1919 г. Л. 49—49 об.); «Что касается речи Ллойд-Дж[оржа], то общее мнение таково, что больш[еви]ки нарочно напечатали ее в своей газете, чтобы смутить публику: ведь она — уже анахронизм, т[ак] к[ак] Лл[ойд]-Дж[орж] произнес ее 16-го апр[еля] по нов[ому] ст[илю], т. е. почти месяц назад; с тех пор возобладало мнение Клемансо¹³⁴ и франц[узская] идея вмешательства в дела России — посмотри» (1/14 мая 1919 г. Л. 51 об.—52).

В начале июня 1919 г. Н.Н. Платонова вновь обретает оптимизм: «С минуты на минуту ждем решительных событий. По словам С[ергея] Ф[едоровича], инстинкт говорит ему, что что-то теперь произойдет» (22 мая/4 июня 1919 г. Л. 70). Аналогична по содержанию и запись, сделанная три недели спустя: «Ал[ександр] Ив[анович] Заозерский¹³⁵ слышал от кого-то, будто недавно в Москве было совещание главарей большевизма, на котором выяснилось, что военные дела больш[евико]в не безнадежны, что можно бы продолжать борьбу не без надежды на успех, но что по отношению к продовольствию и топливу положение обеих столиц совершенно катастрофично. Будто бы Ленин высказал мнение, что можно вступить в переговоры с белыми, отречься от власти, если согласятся оставить их как политическую партию, с правом агитировать, издавать свою газету и т. д., но Троцкий будто бы заявил, что никакие компромиссы невозможны, нужно бороться “до веревки”» (12/25 июня 1919 г. Л. 10—10 об.).

Однако решительных перемен не происходит, а напряжение растет: «Общее мнение, что струна слишком натянута, взрыв неизбежен. Наташа

(Н.С. Платонова. — *Е.Р.*) говорит, что и в Москве все полны ожиданий. Дождемся ли? Кончатся ли когда-нибудь наши страдания? Иногда кажется, что больше нет сил переносить все это» (28 июня/11 июля 1919 г. Л. 17). Чем дальше, тем больше отчаяния в словах автора Дневника: «Душа изболелась от всего, что видит и слышит. Можно ли надеяться на что-нибудь хорошее? Лично меня утешает только мысль о том, что Англия никогда ничего не предпринимала, не рассчитав предварительно всех за и против, и никогда в конечном итоге не проигрывала. А ведь совершенно несомненно, что ее суда стоят у Кронштадта, и ее аэропланы летают над ним и осыпают его бомбами — даром, без определенной цели они не стали бы жертвовать своими людьми, деньгами, временем, судами» (17/30 августа 1919 г. Л. 7). В октябре 1919 г. — новая надежда в связи с наступлением Н.Н. Юденича¹³⁶: «С[ергей] Ф[едорович] говорит, что сегодня все приуныли, т[ак] к[ак] белые как будто теперь... !? — неразб.] двигаются вперед. Чрезвычайка выехала в Тихвин. <...> Поезд Троцкого стоит на Ник[олаевском] вокзале с двумя локомотивами под парами, пароходы на Неве тоже под парами — чтобы удирать» (9/22 октября 1919 г. Л. 49 об.).

В конце 1919—начале 1920 г. записи, которые в течение многих месяцев делались регулярно, становятся все реже, что автор объясняет следующим образом: «...такая тоска на душе, что и за перо взяться не хочется. Я не знаю, встречали ли мы когда-нибудь Новый год в таком безнадежном настроении, как теперь: [в] прошлое воскресенье (29/11 янв[аря]) по городу ходили толпы с флагами и знаменами, торжествуя окончательную победу красных над белыми, взятие Новочеркасска и Ростова; в Сибири взят уже Красноярск, и красные газеты оповестили, будто между Красноярском и Иркутском захвачен в плен чехами Колчак¹³⁷...» (5/18 января 1920 г. Л. 101—101).

Примечательно, что при неприятии большевизма возможность работы с новыми властями начисто не отвергается. Уже в марте 1918 г. мы находим в Дневнике положительную характеристику Гринберга, у которого, по существу, только один «недостаток» — национальность: «По делу Арх[ива] мин[и]стерства| нар[одного] пр[освещения] С[ергей] Ф[едорович] два раза говорил с правит[ельственным] комиссаром Гринбергом и находит, что Гр[инберг] удивительно умен, очень быстро схватывает суть дела и охотно идет навстречу всем научным и просветительным начинаниям, но жид он чистокровный, называет себя учеником С[ергея] Ф[едоровича]» (15 марта 1918 г. Л. 25—25 об.). Иными словами, от сотрудничества с государственными чиновниками и с государством С.Ф. Платонов никогда не отказывался, кто бы это государство ни представлял.

С июня 1918 г. С.Ф. Платонов возглавляет Петроградское отделение Главархива (Главного управления архивным делом), организованное Наркомпросом. Интересна запись, сделанная в самый разгар большевистского террора, в сентябре 1919 г.: «Только что мы с С[ергеем] Ф[едоровичем] вернулись с

осмотра дворца Строгановых¹³⁸ — сколько художественных сокровищ и интереснейших исторических документов! Слава Богу, многое удалось спасти от современных вандалов. Здесь был лазарет, потом матросский клуб <...> Через неделю дворец откроют для публики, как музей. Слава Богу, что все это становится достоянием государства» (28 августа/10 сентября 1919 г. Л. 23).

Ряд большевистских деятелей (М.Н. Покровский¹³⁹, Д.Б. Рязанов¹⁴⁰) характеризуется на страницах Дневника особенно благосклонно. М.Н. Покровский оценивается Н.Н. Платоновой (со слов мужа) как «единственный талантливый большевик» (15/28 августа 1918 г. Л. 73 об.). Особо подчеркивается и позиция М.Н. Покровского и Д.Б. Рязанова по поводу ареста С.Ф. Платонова в мае 1919 г.: «Интересно, что когда С[ергей] Ф[едорович] был арестован, из Москвы была получена телеграмма за подписью Рязанова, Покровского: они настаивали на немедленном освобождении С[ергея] Ф[едоровича], ругаясь за его лояльность и приводя в доказательство ее, между прочим, то, что С[ергей] Ф[едорович] при царском режиме отказался от министерского поста (14/27 июня 1919 г. Л. 17 об.—18). Для Н.Н. Платоновой это особенно «интересно», поскольку, как мы знаем, до предложений «поста» дело так и не дошло. Показания Дневника о благожелательном и уважительном характере отношений С.Ф. Платонова и М.Н. Покровского тем более важно, что впоследствии, в 1920-е гг., М.Н. Покровский станет одним из основных организаторов кампании, направленной против С.Ф. Платонова и его школы¹⁴¹. Что касается Д.Б. Рязанова, то он выступает на страницах Дневника как самый положительный герой нового политического режима — «безусловно добрый и порядочный человек» (21 апреля/4 мая 1919 г. Л. 46—47 об.). Н.Н. Платонова периодически описывает многочисленные хлопоты Д.Б. Рязанова за арестованных ученых (напр.: 24 октября 1918 г. Л. 11 об.—12, 13—13 об.), в ряде случаев Д.Б. Рязанов выступает даже в качестве морального авторитета. Характерна в этом смысле такая запись: «Интересный факт: когда на днях при Рязанове зашел разговор о том, что художники принимают участие в декорировании города “к празднику” и зарабатывают на этом большие деньги, Р[язанов] заметил: эта среда (т. е. художников) всегда является наименее устойчивой в моральном отношении, наиболее развращенной политически. — Любопытное замечание в приложении к настоящему положению в устах большевика, если только Р[язанов] большевик» (27 октября 1918 г. Л. 14 об.—15). Рязанов поддерживается Платоновой и дальше: «По словам Р[язанова] юридические факультеты не будут совсем уничтожены, как об этом упорно говорили (ведь в глазах большевиков права не существует, значит и изучать его нечего), а только преобразованы. При этом Р[язанов] с раздражением говорит: нет людей более провинциальных, узких, нетерпимых и в то же время безумных... [? — неразб.], чем моск[овские] профессора (он разумест теперешнего ректора Мензбира¹⁴² и его партию), напр[имер], они избрали деканом юрид[ического] факультета Гидулянова¹⁴³, эту креатуру Кассо, рептилию —

разве это не значит дразнить всех? И когда им задают вопрос: почему избрали именно его? они отвечают: трудное время, никто не идет» (29 декабря 1918 г./ 11 января 1919 г. Л. 65 об.—66).

Однако, несмотря на самое благожелательное отношение к личности Д.Б. Рязанова, ставшего вхожим в дом Платоновых, Н.Н. Платонова все же не забывает о том, к какой власти принадлежит этот человек и какой политической платформы придерживается. Характерна в этом отношении запись, сделанная в связи со смертью графа С.Д. Шереметева: «4-го декабря умер гр. С[ергей] Дм[итриевич] Шереметев, там же в Москве и похоронен. Он давно хворал и был очень стар, но все-таки как жаль, что он не дожид до какого-нибудь просвета! Незадолго до его смерти его моск[осковский] дом ограбили, выбрав оттуда имущества на 10 миллионов, а сыновей и зятьев арестовали — и среди такой обстановки пришлось умереть этому прекрасному, умному, просвещенному человеку, такому патриоту в лучшем смысле этого слова! Интересно, что когда Рязанов в разговоре с С[ергем] Ф[едоровичем] с негодованием заговорил об этих 10 миллионах, а С[ергей] Ф[едорович] спросил: Что же тут дурного? То Ряз[анов] на это ничего не ответил» (10/23 декабря 1918 г. Л. 50).

Примечательно при этом, что отзывы о первом советском министре просвещения А.В. Луначарском¹⁴⁴ отличаются от характеристики М.Н. Покровского и Д.Б. Рязанова и носят резко отрицательный характер. Особенно возмущало Н.Н. Платонову «отношение» А.В. Луначарского к профессорам. Приведем запись, сделанную в годовщину Октябрьского переворота: «Д.К. Петров и Алексеев¹⁴⁵ (восточник) были у Луначарского и вне себя от пристрастия, который встретили: они ждали его три часа; выйдя наконец, он заявил им, что ему некогда выслушать их; когда же они позволили себе заметить, что ждут его уже три часа, он отвечал: И 33 подождете. — И потом: Вы кто такие? Профессора? Ну, с профессорами нечего и разговаривать» (27 октября 1918 г. Л. 15 об.).

Однако постепенно отношение Н.Н. Платоновой становится более терпимым не только к А.В. Луначарскому, но даже к «ужасному» и «аморальному» В.И. Ленину — вернее, не столько терпимым, сколько более вдумчивым: «Ленин как будто заговаривает о необходимости примириться или сблизиться с буржуазией — не поздно ли? В воскресном № Сев[ерной] Коммуны появилась интересная статья Ленина: Ценные признания Питирима Сорокина¹⁴⁶. Этот С[орокин] — приват[но]-доц[ент] здешнего ун[иверсите]та и Пс[ихо]-Невр[ологического] Инст[иту]та, бывший член Учр[едительного] Собр[ания] и бывший член партии с.-р. Он печатно заявил, что вышел из партии и отказывается от всякой полит[ической] деятельности, п[отому] ч[то] убедился, что занятие политической может быть полезно, но м[ожет] б[ыть] и вредно, а работа в области наук и нар[одного] просвещения всегда полезна. Из этого Ленин делает совершенно произвольный вывод, рассуждая так: С[орокин] — представитель мелко-буржуазной демократии, которая сначала была враждебна большевикам, а теперь, как показывает пример С[орокина], ста-

новится нейтральной по отношению к ним. «Следует учесть и использовать этот поворот среди меньшевистской и эсеровской демократии от враждебности к большевизму сначала к нейтральности, потом к поддержке его...» Но все это рассуждение представляется висящим в воздухе» (14/27 ноября 1918 г. Л. 36–36 об.).

Через год в Дневнике появляется еще одна любопытная запись о «переговорах» В.И. Ленина с профессорами: «По поручению Комиссии, охраняющей интересы профессоров и ученых, начальник Медиц[инской] академии Тонков¹⁴⁷ ездил в Москву хлопотать об арестованных профессорах и добился аудиенции у Ленина, который дал ему 5 минут для разговора, но сам болтал с ним минут 20. По поводу арестов он сказал только, что ведь всякая власть защищает себя и т. п., но зато много спрашивал о том, как живется профессорам, и выражал полную готовность и желание всячески улучшить их быт» (16/29 сентября 1919 г. Л. 35 об.).

Через призму общественно-политических предпочтений Н.Н. Платоновой кажется более ясной и мотивированной ее позиция и оценки российского научного сообщества и его отдельных представителей рубежа XIX–XX вв. В настоящей статье отметим лишь наиболее важные политические аспекты отношения семьи Платоновых к профессиональному сообществу рубежа веков.

Так, в записях Дневника 1890-х гг. в полной мере нашла отражение борьба, которая велась между Кружком русских историков, возглавлявшимся С.Ф. Платоновым, и так называемым «Ольденбургским кружком». Кружок русских историков склонялся к умеренному консерватизму, тогда как Ольденбургский кружок посещали либеральные интеллектуалы. Лидерами Кружка русских историков были С.Ф. Платонов, И.А. Шляпкин и В.Г. Дружинин, а в «Приютинском братстве» главенствовали С.Ф. Ольденбург, Д.И. Шаховской и И.М. Гревс. Таким образом, к моменту начала дневниковых записей обе группы уже сформировались, но решительный разрыв и начало противостояния между ними можно отнести к первой половине 1890-х гг. Особой критике в этой связи подвергается А.С. Лаппо-Данилевский, решительно порвавший с Кружком русских историков в пользу Ольденбургского кружка¹⁴⁸. Объектом постоянной критики был и другой деятель Ольденбургского кружка, И.М. Гревс, который, так же как и С.Ф. Ольденбург, обвинялся Платоновыми по трем основным «статьям»: нетерпимость, подстрекательство студентов к политическим возмущениям, недостаточная научная подготовка (см.: 25 февраля 1893 г. Л. 20–21; 15 марта 1894 г. Л. 41 об.—42; 4 апреля 1894 г. Л. 43 об.—43 об. и др.).

Кроме деятелей Ольденбургского кружка, особое раздражение Н.Н. Платоновой вызывали и другие «независимые» от «русских историков» фигуры, как В.И. Семевский, отстраненный в 1886 г. от преподавания в Петербургском университете по политическим мотивам и сгруппировавший вокруг себя

собственный «демократический» кружок, отличный от направления Кружка русских историков¹⁴⁹. По-видимому, первым испытанием для С.Ф. Платонова стало составление по поручению товарища министра народного просвещения Н.М. Аничкова¹⁵⁰ отчета о трудах В.И. Семевского. О составлении этого отчета Н.Н. Платонова писала следующее: «В настоящую минуту С[ергей] Ф[едорович] переписывает свой отчет о трудах Семевского (В.И.), написанный им по поручению Аничкова (конфиденциальному). По этому поводу Майков¹⁵¹ сказал Сереже: если об этом узнают люди либеральных кружков, вы навсегда погибли в их мнении; и без того мальчишки кричат, что вы отличаетесь консерватизмом. — Интересно было бы знать, кто эти мальчишки <...> по-моему, гораздо почтеннее честно и по совести действовать в министерстве, чем умыть руки» (11 января 1891 г. Л. 33 об.). Хотя отчет в целом выдержан в корректном по отношению В.И. Семевскому тоне («тенденциозность» В.И. Семевского объяснялась «благородными чувствами», а его научные заслуги признавались)¹⁵², следующая запись об этом деле все же носит почти «оправдательный» характер: «Вчера разъяснилось, почему департамент нар[одного] проsv[ещения] потребовал от Сережи отчета о трудах В.И. Семевского: последний просил мин[истерство] внутр[енних] дел о допущении его к занятиям в каком-то архиве (вероятно, государственном). Министерство обратилось к Делянову с запросом, желательно ли подобное допущение. Тот постановил резолюцию: нет, нежелательно, просить у проф[ессора] Платонова отчета о трудах Сем[евско]го. — Вероятно, Делянов сам нуждался в этом отчете, чтобы иметь точку опоры, но резолюция его о недопущении С[емевского] в архив состоялась раньше получения отчета» (29 января 1891 г. Л. 36 об.—37). Последующие упоминания имени В.И. Семевского как бы лишней раз подтверждают его общественную неблагонадежность, в ряду других «радикалов» он выступает как подстрекатель молодежи к политическим возмущениям (13 декабря 1893 г. Л. 33 об.; 15 марта 1894 г. Л. 36—41 и др.).

Впоследствии почти все «ольденбуржцы», люди либеральных взглядов, оказались членами кадетской партии, которая вызывала резкую неприязнь у С.Ф. Платонова и его ближайшего окружения. Можно сказать, что прежнее противостояние: «Ольденбургский кружок» — «Кружок русских историков», — после революции 1905—1907 гг. трансформируется в оппозицию: «Академия наук» («кадеты» и левые) — «платоновцы» (государственники). Потому к прежним оппонентам (А.С. Лалпо-Данилевскому, И.М. Гревсу, С.Ф. Ольденбургу, Н.И. Карсеву) прибавились Е.В. Тарле, М.И. Ростовцев, А.А. Шахматов, В.Н. Перетц и др., а к прежним союзникам (В.Г. Дружинину, А.А. Спицыну, Н.Д. Чечулину, С.В. Рождественскому) — С.Д. Шереметев, Ф.И. Успенский, Б.А. Тураев и др.

Уже в записях 1905 г. либеральные «профессора-союзники» обвиняются Н.Н. Платоновой в том, что «устраивают революцию на “казенный счет”» (17 октября 1905 г. Л. 2 об.), особо в этой связи «досталось» Е.В. Тарле¹⁵³ и

М.И. Ростовцеву¹⁵⁴ (см. запись 17 октября 1905 г. Л. 3—3 об.; 20 октября 1905 г. Л. 6). Вообще, как известно, в сентябре 1905 г. С.Ф. Платонов был вынужден уйти с поста декана под влиянием политических событий, и его сменил более «либеральный» профессор Ф.А. Браун. В 1913 г. С.Ф. Платонов уходит на пенсию, передав университетскую кафедру русской истории своему ближайшему ученику С.В. Рождественскому, и также перестает читать лекции на Высших женских курсах, сохраняя за собой (до июня 1916 г.) только должность директора Женского педагогического института.

Более строгое «разделение» науки по общественным лагерям в середине 1900-х гг. предопределило и изменение отношения к ряду ученых со стороны Платоновых. В этой связи наиболее показательным кажется изменение их отношения к А.А. Шахматову. В начале Дневника (1891 г.) тон записей, касающихся А.А. Шахматова, предельно благожелательный: «Московский молодой ученый Шахматов¹⁵⁵ берет место земского начальника в Саратовской губ[ернии]: он собирается жениться, средств у него нет, а университет его не обеспечивает. Долгов¹⁵⁶ уверен, что он и в Саратове напишет диссертацию, но все-таки это очень грустный факт» (11 января 1891 г. Л. 34—34 об.). Однако затем характер высказываний меняется. Характерна в этом отношении история о ходатайстве А.А. Шахматова за опального профессора Н.Н. Фирсова (давнего недруга С.Ф. Платонова¹⁵⁷), записанная Н.Н. Платоновой в Дневнике в 1915 г.: «В субботу 7-го заходил к С[ергею] Ф[едоровичу] поговорить о делах Института Шевяков и между прочим сказал: Жаль Вашего вел[икого] князя (Константина Константиновича. — *Е. Р.*), в какие дела его втягивает Шахматов! И затем рассказал: каз[анский] профессор Фирсов¹⁵⁸ не был оставлен на следующее пятилетие в Каз[анском] Ун[иверсите]те, приехал сюда и редактирует здесь, при Ак[адемии] Наук, Историю Пуг[ачевского] бунта Пушкина. Еще при Кассо Шахм[ато]в уговорил великого князя попросить м[ини]стра письмом дать Ф[ирсо]ву кафедру. Кассо ответил, что не считает удобным назначить его в Каз[анский] ун[иверсите]т, откуда он удален (не знаю — за едва ли не за какую-то бестактную речь по поводу юбилея 12го г[ода])¹⁵⁹, но что если к[акой]-н[ибудь] другой Ун[иверсите]т изберет его, он, Кассо, ничего не будет иметь против его утверждения. Смерть Кассо остановила это дело. С назначением нового м[ини]стра вел[икий] князь, очевидно, по просьбе того же Шахм[ато]ва, опять обратился к нему с ходатайством за Ф[ирсо]ва, говоря, что если предоставляется любому Ун[иверсите]ту избрать Ф[ирсо]ва, то почему исключать из числа их Каз[анский] ун[иверсите]т? Отчего не дать ему кафедру там? Неизвестно, как посмотрит на это дело м[ини]стр; если не сочтет возможным удовлетворить ходатайство вел[икого] князя, последний может оказаться в ложном положении. И потом: как можно так толковать ответ Кассо? Ведь в этом есть уже нечто софическое¹⁶⁰. Удивительное дело: где замешается Шахматов, от этого дела лучше держаться подалее, п[отому] ч[то] всегда в нем есть quelque chose de louche¹⁶¹. А ведь рань-

ше, еще по репутации Шахм[ато]ва в Москве, мы с С[ергеем] Ф[едоровичем] относились к нему исключительно хорошо, считали его человеком удивительной нравственной чистоты, убежденным, идейным, стойко проводящим в жизнь свои принципы: ведь пошел же он когда из-за идеи в земские начальники в Саратовской губ[ернии], прервал из-за этого свои научные занятия и не убоявшись никаких кривотолков? — С год тому назад секр[етарь] ист[орико]-фил[ологического] факультета здешнего Ун[иверсите]та Жебелев¹⁶², человек смиренный и совсем непартийный, сказал С[ергею] Ф[едоровичу]: когда после ухода Соболевского из факультета на его место вступил Шахматов, я радовался, п[отому] ч[то] фак[ульте]т получает такую крупную ученую величину и такого высоко достойного по репутации человека. Но когда я ближе присмотрелся к нему и к той роли, которую он в факультете играет, я должен сказать, что я никогда еще такого интригана не встречал. — Я совершенно не понимаю, чем это объясняется; С[ергей] Ф[едорович] думает, что все объясняется фанатизмом Шахм[ато]ва: как фанатик партии, он слишком непримиримо понимает партийную этику и обязанность для членов партии подчиняться дисциплине партии. Для меня это совершенно непонятно» (10 марта 1915 г. Л. 46—47).

Энергичный и деятельный по натуре, профессор критически относился к «либералам», выполнявшим его прежние обязанности. В связи с этим приведем несколько выдержек из Дневника, касающихся основного «логова» кадетов — Академии наук — и других кадетских учреждений (нового состава Историко-филологического факультета и Бестужевских курсов). В частности, характерна такая запись февраля 1915 г.: «Умер Ламанский — сколько мест освободилось в Академии! Интересно знать, кого туда теперь выберут, — вероятно, кого-нибудь из «своих»: ведь они (кадеты) панически боятся всего «не-своего» <...> А теперь, говорят, что тот же Ростовцев уверен, что С[ергей] Ф[едорович] согласился быть автономным товарищем министра нар[одного] просв[ещения], и страшно этого боится — вот малодушный трус! И кадеты хороши: считают себя высоконравственными борцами за высокие идеалы и не гнушаются общения и даже дружбы (Ростовцев) с такими мерзавцами, как Зелинский¹⁶³, который имеет детей от многих из своих учениц, подкупленных его высокими словами о науке, античности, эллинизме и т. п.» (21 февраля 1915 г. Л. 23 об.—24 об.). Последнее замечание особенно ярко показывает откровенно предвзятый и в чем-то даже вздорный характер критических выводов в адрес нелюбимых автором персонажей Дневника.

В январе 1916 г., критикуя «воротил» и «главарей» Академии наук — В.В. Радлова и А.А. Шахматова, — Н.Н. Платонова восклицает: «И какое право они все имеют быть членами и руководителями Ак[адемии] наук? Что сделал для науки Ольденбург или Лаппо-Данилевский¹⁶⁴? А ведь с ними обоими как носился Васильевский¹⁶⁵» (23 января 1916 г. Л. 71 об.—72). Постоянны и обвинения академиков в непатриотизме. Типична, например, такая запись:

«Успенский¹⁶⁶ в ужасе от Академии наук, где он теперь зачислен в штат: дела никакого не делается, всем вертит «немецкая», по выражению Усп[енско]го, партия, состоящая из Радлова¹⁶⁷, Залемана¹⁶⁸ [слово вставлено на полях карандашом вместо зачеркнутого «Штернберга»¹⁶⁹] и Ольденбурга; Никитин¹⁷⁰, вице-президент, по какой-то непонятной причине у них в полном подчинении. Кондаков¹⁷¹ и Соболевский¹⁷², видя свое бессилие противодействовать этой партии, махнули на все рукой и просто не ходят на заседания, а Усп[ен]ский считает своим нравственным долгом ходить и протестовать, хотя бы оставаясь в сдинств[енном] числе. Так было, напр[имер], когда Ак[адемия] наук решила 29 голосами против 1-го голоса (это и был голос Усп[енско]го) не исключать почетных членов Академии немцев» (23 января 1916 г. Л. 71–71 об.)¹⁷³.

В позиции академика А.С. Лаппо-Данилевского (в том числе ее политическом аспекте) Н.Н. Платонова видела основную причину того, что ее мужу долгое время был прегражден путь в Акад[емии] наук. «С течением времени, когда Ак[адемия] наук превратилась всецело в гнездо партии к.-д., да еще при нетерпимом отношении к С[ергею] Ф[едоровичу] со стороны Л[аппо]-Д[анилевского], произнести имя С[ергея] Ф[едоровича] в Ак[адемии] н[аук] было все равно, что показать быку красный платок. Теперь, когда Л[аппо]-Д[анилевско]го уже нет, С[ергей] Ф[едорович] имеет полное право сказать, что он никогда не делал никакого зла Л[аппо]-Д[анилевско]му, а от него много зла видел» (28 января/10 февраля 1919 г. Л. 86 об.—88 об.).

В результате социальных бурь 1917 г. прежние отношения внутри старой интеллигенции оказались в значительной степени перечеркнуты — с установлением политической диктатуры в 1917 г. С.Ф. Платонов оказался по одну сторону баррикад со своими бывшими оппонентами, что не могло не сказаться на тоне Дневника. В этот период одними из наиболее близких к Платоновым людс[ям] становятся А.И. Введенский и Е.В. Тарле, дружба с которыми (особенно с последним) по «политическим» основаниям ранее была невозможной. Тем не менее, «кадеты» полностью не прощены и продолжают изредка оставаться поводом для язвительных замечаний.

Приведем несколько отрывков из записей 1918–1921 гг.: «Теперь все принялись говорить о вреде интернационального настроения у русской интеллигенции, о необходимости развивать в детях национ[альное] чувство, любовь к прошлому родной земли, к ее искусству, ее святыням и т. д. В Научно-пед[агогическом] общ[естве] учителей истории при здешнем Унив[ерсите]те Г.К. Вибер¹⁷⁴ тоном покаяния публично признается, что в его (а также и его товарищей) преподавании русск[ая] история была всегда в загоне. «Помните, Ив[ан] Мих[айлович]», сказал он в одном заседании этого Общества Гр[евсу], «как в гимназии Таганцевой, где под Вашим руководством работала группа нас, Ваших учеников, русская история всегда оставалась в тени, как один из членов нашего факультета, дочери которого воспитывались в этой гимназии, говорил Вам: “много у Вас хорошего в гимназии, но нет национ[ального] на-

правления, все русское в загоне (очевидно, намек на С[ергея] Ф[едоровича]), — и как вы на это обижались”. На это Гревс ответил: “Я помню эти разговоры, но не помню, чтобы я на них обижался”. — Здесь перепутаны действующие лица: с Гревсом и Л[юбовью] Ст[епановной] Таганцевой¹⁷⁵ говорил об этом не С[ергей] Ф[едорович], а я. Это было 15 лет тому назад, когда Ниночка (Н.С. Платонова. — Е. Р.) кончила курс, т. е. перешла в VIII кл[асс], Верочка¹⁷⁶ в VI, Наденька¹⁷⁷ в IV. Я, накопив уже много впечатлений от гимназии, нарочно переждала весеннее время экзаменов, осенью просила аудиенции у Люб[ови] Ст[епановны] и в одно воскресенье часа два говорила с ней об этом. Мне, воспитанной в архи-русской, правоверной и православной гимназии С.Н. Фитф, особенно больно было наблюдать это космополитическое настроение и абсолютное равнодушие ко всему русскому. Я сказала Л[юбови] Ст[епановне]: Я забочусь тут не о своих детях, п[отому] ч[то] убеждена, что мы сумеем воспитать в них любовь ко всему родному — но меня удивляет общее направление гимназии; так часто приходится слышать от Ваших учениц: русской историей никто не интересуется, она такая скучная, эти бесконечные междоусобия и т. д., а вот западная история так красива и т. п. И это направление вполне исходило от Гревса, которому я сама тогда сказала о своем разговоре с Люб[овью] Ст[епановной]. Оба выслушали меня. Люб[овь] Ст[епановна] спросила: отчего С[ергею] Ф[едоровичу] не поговорить об этом с Ив[аном] Мих[айловичем]? А Гревс сказал мне: м[ожет] б[ыть], лучше будет разделить преподавание русской и всеобщей истории, поручив каждую специалисту? — И никакой перемены в результате не произошло, а теперь, через 15 лет, они сами это припомнили — должна сознаться, что это доставило мне некоторое нравственное удовлетворение. Говорят (Дм. К. Петров), что в этом году на пасхальной заутрене в Унив[ерситет]ской церкви были и Гревс, Ростовцев с женой, — чего раньше никогда не было; конечно, это тоже знаменательно» (24 июля 1918 г. Л. 62 об.—64).

Меняется отношение и к «главарям» Академии наук, особенно к непременному секретарю С.Ф. Ольденбургу. Н.Н. Платонова полностью солидаризируется с позицией С.Ф. Ольденбурга относительно оплаты труда профессором: «Третьего дня было заседание по вопросу о размерах вознаграждения за ученый труд и разные должности, занимаемые профессорами, учеными и т. п.; совместительство (в смысле получения жалования за несколько должностей) решительно воспрещается; можно получать в месяц не больше 3600 р. (что при нынешних ценах совсем немного). Выходит так[им] обр[азом], что, занимая несколько должностей, можно получать жалование только за одну из них, а в других местах нужно работать даром. — Некоторые участники заседания высказывали мнение, что не надо понимать этого буквально, возмущаться, покидать неоплачиваемые места и т. п., что, как всегда это бывает, жизнь сама укажет тот или другой выход из создавшегося положения; другие говорили, что молчать нельзя, что нужно прямо сказать сов[етскому] прави-

тельству, что больше не можем терпеть этого. Особенно горячо, со слезами в голосе говорил С.Ф. Ольденбург: ученые вымирают, они обречены на гибель правительством, которому они не нужны. Мы не можем хорошо питаться, ходим в рваной обуви и худом платье, п[отому] ч[то] у нас нет средств для покупки нового, но мы знаем, кто может позволить себе и позволяет себе всякие издержки — это те, в ком сов[етское] правительство нуждается и кому дает не только жалование, но и паек, равняющийся второму жалованию. Мы должны прямо сказать прав[итель]ству, что такое положение нетерпимо, покинуть места, где нас хотят заставить работать даром, и искать заработка в других областях: на фабриках, заводах, в издательствах и т. д. Вероятно, если только эти тарифы будут окончательно утверждены, начнется массовый уход профессоров и вообще служащих из многих учреждений и мест» (5/18 февраля 1919 г. Л. 1 об.—3). Автор Дневника приводит и другое, близкое ему высказывание С.Ф. Ольденбурга: «Недавно С.Ф. Ольденбург опять говорил о том, с каким цинизмом большевики относятся к профессорам и ученым; в Комиссариате труда прямо говорят: что же, что они грозят уйти — пусть уходят, с теми из них, кто нам нужен, мы всегда сумеем сговориться» (18 февраля/3 марта 1919 г. Л. 8—8 об.).

Однако, несмотря на все перемены, настороженное отношение к профессорам-кадетам оставалось. Непатриотизм и «партийность» по-прежнему регулярно ставились им в вину — описывая планы отъезда за границу семьи М.И. Ростовцева, Н.Н. Платонова замечает: «Но каково теперь русским в Зап[адной] Европе? Как на них там смотрят? С[ергей] Ф[едорович] думает, что это настроение паники у Ростовцевых отражает общее настроение партии к. д. после большевистского переворота; во всяком случае нам оно не вполне понятно» (19 марта 1918 г. Л. 27—27 об.). Периодически Н.Н. Платонова также обвиняет профессоров-кадетов в сотрудничестве с большевиками: «Вчера, сегодня и завтра — юбилейные дни здешнего Ун[иверсите]та; завтра — начало масленицы — в нормальное время какие бы это были торжественные и радостные дни, а сейчас ничто на ум не идет. Вчера мне и не хотелось в Ун[иверсите]т: ведь этой гадине Зелинскому поручено было произнести речь «Роль Унив[ерсите]та в развитии гуманитарных наук» — как это характерно для моральной неразборчивости кадетской профессуры! Вчера в Ун[иверсите]т явился в довольно растерзанном виде Луначарский, сидел в первом ряду <...> и произнес речь: для всякого правительства, даже для теперешнего, Унив[ерсите]т представляет большую ценность, п[отому] ч[то] наука нужна народу и т. д. И ему аплодировали не только в зале, но и на эстраде, среди профессоров кое-кто — это при всем известном презрительном, совершенно недопустимом отношении Л[уначарско]го к профессорам» (9/22 февраля 1919 г. Л. 4—4 об.).

Раздражают Н.Н. Платонову и любая отстраненность знакомых историков от политических событий, желание сохранить нейтралитет, который с

некоторых пор старался соблюдать А.Е. Пресняков: «Пресняков видел кого-то, приехавшего из Сибири, и слышал от него, что правительство Колчака действует теми же средствами, что и большевики: арестами, обысками, расстрелами и т. д. Пр[есняко]в с недоумением и даже осуждением говорит об этом, но какими же средствами можно теперь вообще действовать, если не террором? Конечно, это ужасно, но, по-видимому, неизбежно» (14/27 февраля 1919 г. Л. 7 об.—8).

Аналогичны оценки поведения других ученых, ищущих компромисса с большевиками: «...сколько таких малодушных или неустойчивых в нравственном отношении людей, которые как будто начинают поддаваться большевикам! И А[лександр] Ив[анович] Заозерский, и Б[орис] Ал[ександрович] Романов¹⁷⁸, и Б[орис] Вл[адимирович] Александров¹⁷⁹ <...> и многие другие. Они как будто забывают или не понимают, что большевизм заплывал или растоптал нашу душу, что он играет на самых низменных инстинктах чело[веческой] природы, что он дал простор самой необузданной распущенности, что он породил обстановку чудовишного произвола и бесправия, что он в корне разрушил или истребил множество духовных и всяких других ценностей» (2/15 декабря 1918 г. Л. 43 об.—44).

В начале 1921 г., когда намечается перелом в отношениях С.Ф. Платонова с новой властью, побеждающей в Гражданской войне, критическая оценка деятельности профессоров из «кадетской партии» только усиливается и дается уже с другой точки зрения: «На днях С[ергей] Ф[едорович] получил повестку с приглашением профессоров на какое-то частное совещание в Ун[иверситете]: С[ергей] Ф[едорович] туда не пошел, а Пресняков и Цызырев¹⁸⁰ пошли; последний говорил: пожалел, что пошел; дураком пошел, дураком и ушел; профессорам предложено было обсудить и подписать выработанный каким-то кружком (как потом оказалось, кадетами) текст ответа профессоров большевикам, которые месяца 2 тому назад обратились с воззванием к профессорам, приглашая их работать на пользу коммунизма и насаждать его в высшей школе. Говорят, выработано было несколько редакций ответа, между прочим, Карсавиным¹⁸¹ и Кареевым; редакция последнего и была принята все тем же кружком и в готовом виде предложена остальным профессорам. Кареев защищал ее против возражений, Зелинский произнес целую речь — как всегда, по всем правилам ритор[ического] искусства, — говоря, что ответить большевикам нужно хотя бы оттого, что этого ждут от русск[их] профессоров заграничные профессора (Цызырев из этого заключает, что этот “Ответ” чуть ли не заказан из-за границы через Зелинского, только что оттуда вернувшегося). Карсавин сказал, что “нужно же наконец скрестить с ними [большевиками] шпаги”, на это Дм[итрий] К[онстантинович] [Петров] заметил, что “порядочному человеку не со всяким можно скрестить шпагу”, и ушел, не подписав “Ответ”. Так же поступили и Цызырев с Пресняковым. Ц[ызырев] говорит: это — прежняя тактика кадет и кадетоидов: за спиной товари-

шей-проф[ессоро]в решить дело со “своими” и в готовом виде поднести другим для утверждения. “Они ничего не забыли и ничему не научились”, — говорит Ц[ызырев]. Любопытно сравнить его слова с наблюдениями над университетской жизнью Б.А. Романова: в Унив[ерсите]те по-прежнему сильны к. д., хотя им и приходится пока работать втихомолку. Они свято хранят заветы Д. Гримма (уехавшего за границу), усиленно тянут “своих” и устраняют “чужих”; этим объясняются, вероятно, успехи в Ун[иверсите]те, напр[имер], Недзвецкой¹⁸², отец которой, кажется, был довольно видный к-д.; у нее самой никаких ученых заслуг нет, даже, кажется, ни одной порядочной статьи. С другой стороны, не от этого ли потерпел здесь fiasco Н.К. Пиксанов¹⁸³, недавно приехавший сюда из Саратова и очень желавший остаться здесь?»

Обзор содержания Дневника не был бы полным, если бы мы хотя бы кратко не указали еще на один исследовательский пласт, который открывается при работе историка с этим источником — Дневник содержит ценные сведения о быте, повседневности своих персонажей.

Такого рода показания содержатся на протяжении всего периода ведения Дневника, однако число их резко возрастает по мере углубления социального кризиса в годы Первой мировой войны и революции. С одной стороны, это, по-видимому, связано с тем, что на глазах автора Дневника ставятся под сомнение прежние представления о нормативной этике, общепринятых правилах поведения; с другой стороны, в это время бытовые сюжеты начинают играть все большую роль в жизни семьи прежде хорошо обеспеченного профессора С.Ф. Платонова. Действительно, в это время рушатся прежние представления о социальной стратификации, соотношения материального благополучия и положения в обществе, что вызывает смятение и возмущение Н.Н. Платоновой.

Особый сюжет, в связи с которым Н.Н. Платонова развивает тему морального кризиса в обществе в революционную эпоху, связан с положением в школе и семье. Например, в декабре 1919 г. она сетует в Дневнике: «Как трудно кормить детей, обмывать и одевать! Конечно, у Ка[рински]х¹⁸⁴ (семейство, у которого Н.Н. Платонова побывала в гостях. — Е. Р.) неуютно и грязно, и дети грязные, но как же иначе, раз семья большая и прислуги нет» (6/19 декабря 1919 г. Л. 88 об.). О положении в школе, в которой установлены коммунистические порядки, Н.Н. Платонова не может писать без негодования. В конце 1918 г. она делает несколько записей, посвященных этой теме: «Я разговорила с одним служащим Ек[атерининского] Инст[итута] (С.Ф. думает, что это был экзекутор). По его словам, он 35 лет служит в Инст[иту]те и никогда не думал, что доживет до такого безобразия, какое творится там теперь: учащиеся всего 560 человек, из них около 100 кадет, некоторые 15-17 лет; шум, крик, свист целый день, курят даже в столовой, везде валяются окурки, везде грязь, никто не соблюдает никаких правил и т. п. О занятиях лучше не говорить» (18/26 ноября 1918 г. Л. 33); «Теперь наша средняя школа находится в

опасности, т. к. ее хотят сделать тоже орудием пропаганды, именно – классово-вой борьбы; проект такой школы уже составлен и подан; автор его – Ал[ексей] Ив[анович] Кайгородов¹⁸⁵, бывший сослуживец Ниночки (Н.С. Платоновой. – *Е. Р.*) по гимн[азии] Макаровой. Он пошел во время войны добровольно на фронт и работал там как химик, а потом как-то сблизился с большевиками, стал писать в их газетах и вообще проникся их духом. То же рассказывают и о Ярошевском¹⁸⁶, который в Пед[агогическом] инст[итуте] восхищается единой трудовой школой и пролетарскими детьми и говорит, что после них неприятно или даже противно иметь дело с детьми буржуев» (2/15 декабря 1918 г. Л. 43 об.). Особое возмущение вызывает у Н.Н. Платоновой принцип совместного обучения мальчиков и девочек в новой школе, с ужасом описывает она декрет об общих для мальчиков и девочек дортуарах и совместном хождении в баню, полагая, что руководители советской школы «извращенцы» и «эротоманы» (3/16 декабря 1918 г. Л. 45 об.). Характерна, например, запись мая 1919 г.: «Б[орис] Ал[ександрович] Романов рассказал Мише (М.С. Платонову. – *Е. Р.*), что его 15-летняя племянница, воспитанная вообще очень свободно, плачет и не решается идти в гимназию с тех пор как там мальчики, не решается сказать дома, что мальчики проделывают. И старая классная дама заявила в педагог[ическом] Совете, что она не может пересказать всего» (6/19 мая 1919 г. Л. 58 об.–59).

23 января 1916 г. Н.Н. Платонова впервые касается в Дневнике столь приземленного сюжета, как цены на продовольствие: «Жизнь все дорожает, трудно доставать многие продукты; мяса, напр[имер], в нашей части города нет почти целую неделю, т. е. говядины, а телятину, свинину и живность доставать можно, хотя и по очень дорогой цене». Однако пока еще речь идет все же не о круге Платоновых, а о низах общества: «Не могу понять, чем питается беднота, если 1/2 [фунта] картофеля стоит 1 р., фунт масла для кухни 1 р. 10 к. – 1 р. 20 к., черный хлеб – 5 к. за фунт, яйца 60–68 к. за десяток и т. д.» (Л. 74). Однако уже в конце октября 1916 г. акценты в освещении бытового кризиса меняются. «Наташа (Н.С. Платонова. – *Е. Р.*) и Маруся¹⁸⁷ слышали от своей англичанки со слов ее прислуги, брат которой работает на фабрике <...>, – пишет Н.Н. Платонова, – что рабочие требуют исключительно открытия кооперативных лавок на фабриках и заводах, т[ак] к[ак] хотя денег у них больше чем достаточно, но купить на них ничего нельзя, т[ак] к[ак] везде нужно стоять очереди и терять на это много времени, что для рабочего человека невозможно. Вообще теперь у рабочего класса громадные заработки. К.Ф. Буткевич¹⁸⁸ как-то передавал, что слесарь, недовольный предложенным ему за работу вознаграждением, сказал: я вам не инженер к[акой-]н[и]будь, чтобы работать за эту цену. – Но для меня этот рассказ не совсем понятен, т[ак] к[ак] инженеры теперь зарабатывают огромные деньги, а вот мелким чиновникам, педагогам, пенсионерам приходится чуть не с голоду умирать при теперешней дороговизне» (31 октября 1916 г. Л. 117 об.–118). В 1917 г. тема вопиющей

социальной несправедливости становится одной из основных на страницах Дневника. В качестве иллюстрации приведем одну из записей ноября 1917 г.: «...Теперь низшая братия зарабатывает гораздо больше, чем интеллигентные труженики; в нашем доме живет известная преподавательница Ю.П. Струве¹⁸⁹, так она недавно с горечью говорила одной из своих учениц: я преподавала 23 года и зарабатываю 250 р. в месяц, а приказчик в нашем домовом комитете получает 270 р. — В.В. Петухова¹⁹⁰, больше 20 лет преподающая лат[инский] язык на В[ысших] Курсах, получает меньше чем сестра ее прислуги, работающая на фабрике. В Больнице Ник[олая] Чудотв[орца] еще в мае главный доктор и судомойка получали одинаковое жалование — 230 р. в месяц (теперь главный доктор получает больше, по словам М.Л. Трошиной). В пажеском корпусе, по словам В.В. Кудряшева¹⁹¹, швейцар получает больше директора, и мальчик для посылок больше, чем главный бухгалтер — 125 р. и 83 р.» (14 ноября 1917 г. Л. 75—75 об.). Тема социального неравенства наоборот, резкого неприятия изменившегося поведения низов общества развивается и в других бытовых сюжетах: «Недавно Браун говорил С[ергею] Ф[словови]чу, что унив[ерситет]ские сторожа оказались такой сволочью, как нельзя было и ожидать, обнаглели до цинизма, напр[имер] в охране унив[ерситетски]х зданий принимает участие вся живущая там интеллигенция, а низшие служащие отказались: нам охранять и защищать нечего. В это воскресенье должен быть диспут Любомирова¹⁹² — если служители согласятся открыть Унив[ерсите]т» (5 декабря 1917 г. Л. 83 об.).

На голодные 1918—1919 гг. приходится наибольшее число записей, напоминающих своеобразные сводки с бытового фронта — борьбы с голодом и нищетой. Приведем несколько характерных примеров. «В городе грабежи и убийства, улицы не освещаются, трамваи едва ходят. Хлеб еще выдают (1/4 фунта в день на человека), но толкуют, что скоро его совсем не будет. Дороговизна ужасная на все, цены все растут. Вчера я купила масло уже по 19 р. 75 к. за фунт, мясо 4—5 р. за фунт. Недавно из нижней квартиры нам предложили купить индейку: 12 1/2 ф[унта] по 8 р., т. е. 100 р.! мы отказались. Яиц нет совсем, муки и круп тоже. Из-под полы продают крупчатку (конечно, не настоящую) 100 р. за пуд, и то ездят за ней в Царское. Сын нашей Катерины привез из Новгорода пуд ржаной муки за 60 р. и мяса по 3 р. 75 коп. за фунт. Сахару нет. В последний раз нам выдали такой ужасный, что его нельзя употреблять. Миша (М.С. Платонов. — Е. Р.) взялся очистить его химически. Мы как-то купили 10 ф[унтов] сахару по 7 р. за фунт. Говорят, по карточкам его совсем больше не будут выдавать, т[ак] к[ак] Малороссия не хочет ничего давать большевикам» (20 января 1918 г. Л. 5 об.—6). «Вообще возмущение против большевиков усиливается с каждым днем, а главное — голод в городе становится все ощутительнее, вчера я была на трех рынках П[етерб]ургской стороны, сегодня ездила на Сенную¹⁹³ — продуктов почти нет, а что есть продается по невероятным ценам: рябчики по 7 р. за штуку, осетрина 9 р. за фунт. Хорошо еще, что по-

явилось довольно много свежей рыбы; но хлеба на праздниках выдавали по $\frac{1}{8}$ ф[унта] в день и только со вчерашнего дня по $\frac{1}{4}$ ч[асти] фунта» (28 апреля 1918 г. Л. 39 об.—40). «В городе форменный голод: хлеба по несколько дней совсем не дают, круп, муки нет, т. е. можно достать, но по ужасным ценам. (Впрочем, за последнее время мука как будто дешевеет: была за 12 р. за фунт, теперь по 10 р.). Сегодня приехал сюда из Твери Ив[ан] Ал[ександрович] Иванов¹⁹⁴, говорит, что там тоже голодно, хлеба дают по $\frac{1}{8}$ ф[унта] и т. п.» (26 июля 1918 г. Л. 67). «О холере мы как-то забываем; по-видимому, она действительно совсем затихает. А вот дороговизна все растет и хлеба по карточкам не дают совсем. С[ергей] Ф[едорович] слышал от Елиз[аветы] Мавр[икиевны]¹⁹⁵, что они (их всех вместе с тут же живущими Шаховскими 20 человек) ежедневно тратят 400 р.; пока они существовали на деньги, вырученные от продажи трех утаенных от революции автомобилей, чем будут жить дальше — неизвестно. Я плачу прачке 13 р. в день и 80 к. даю на трамвай, а фунт картофеля стоит 3 р. 30 к., 1 ф[унт] луку — 5 р., 1 ф[унт] свежей капусты — 2 р. 80, 1 ф[унт] мяса 11—13 р., 1 б[утылка] молока 3 р. 50 к. и т. д., 1 ф[унт] масла 18—23 р.» (12/25 августа 1918 г. Л. 73—73 об.). «Д[окто]р Арх[ивного] ведомства А.А. Садов¹⁹⁶ делал недавно доклад о питании Петрограда: то количество продуктов, которое мы получаем по карточкам в месяц, дает нам только 400 калорий вместо 2000 калорий, составляющих голодный паек (нормальный паек должен заключать в себе, кажется, 5000 калорий)! Удивительно, как мы еще не умерли с голоду. А какое количество смертей и, говорят, самоубийств! Люди так истощены, что к[акое]н[и]будь легкое заболевание может стать смертельным: у организма совсем нет силы сопротивления. В городе совсем нет жиров; многие готовят на рыбьем жире, даже на касторном масле, но и этих продуктов скоро не будет. Нет круп, трудно достать муку, масло; свежей крупной рыбы в продаже совсем нет; нет чаю; за фунт платят по 100 р.; из продажи совсем исчез кофе; я сегодня не нашла ни одного фунта. <...> А цены!» (6/19 ноября 1918 г. Л. 26—26 об.). «Тот же Р[язан]о[в] говорит, что за все время свосй службы (кажется, около 15 мес[яцев]) он не получал больше 800 р. в месяц жалования; но в его распоряжении казенный автомобиль; живет он вдвоем с женой, которая тоже служит — вот они и могут существовать, но он, по его словам, отлично понимает, чего стоит теперь иметь прислугу, т. к. они, работая вне дома оба, должны иметь прислугу. Все это говорилось по поводу того, что предполагалось не допускать, чтобы кто бы то ни было получал в месяц болес 1500 р. Между тем стоимость жизни здесь теперь такова, что Ек[атерина] Серг[еевна] Кабанова говорила недавно Боре¹⁹⁷, что она, служа в 3 местах, как врач, зарабатывает 1800 р. в месяц при готовой квартире <...> и тратит все, живя вдвоем с прислугой. На днях П.П. Фридолин¹⁹⁸ говорил мне, что как историк он знает, что во время Фр[анцузской] революции обед на 2 чел. в Пале-Рояль стоил 1500 фр. А Д.К. Петров и Эрв. Grimm как-то заплатили в ресторане за обед с вином на 2 чел. — 950 р.!» (6/19 ноября 1918 г. Л. 51 об.—52). По-види-

тому, особо тяжелым положение семьи Платоновых стало зимой 1918–1919 гг., когда в отдельных записях Дневника чувствуются панические нотки: «А продовольственное дело в Петрограде непрерывно ухудшается. Недавно Н[иколай] Ив[анович] Репников¹⁹⁹ устроил нам покупку 4 пудов муки и настойчиво советовал всю ее оставить у себя, никому не давать ни фунта, п[отому] ч[то] это последняя мука... — дальше будет форменный голод. Цены на все прямо кошмарные: хлеб 14 р. за фунт, муку ржаную мы купили по 18 р., доходит уже до 20 р. за фунт, масло 70–85 р. ф[унт], яйца 45–55 р. десяток, конина, которую трудно находить, доходит о 16 р. ф[унт]. Молоко — 8 р. за бутылку, на днях от Шауба прислали телятину по 30 р. Насколько вообще трудно доставать припасы, видно, напр[имер], из того, что в последнее воскресенье в проф[ессорском] клубе за обедом совсем не было супа (plat lignide), дали только биточки (вероятно, из конины) и сладкое. М.Ил. Введенская²⁰⁰ жалуется, что они голодают (в Андр[еевском] рынке свинина с костями — 35 р. ф[унт]), и что она совсем не знает, чем подкармливать дочь (З.Ал. Лихареву²⁰¹), которая сейчас лежит у Отта²⁰² (у нее родился 2-й сын). Семья бедных Середониных²⁰³ форменно голодает. А что делают наши нижегородские родственники? Там ведь тоже страшный голод» (11/24 декабря 1918 г. Л. 52–52 об.); «С завтрашнего дня вместо хлеба будут выдавать овес. В городе форменный голод, нет в продаже даже картофеля. Наряду с этим Клинский рынок (Зина вчера там была) завален провизией, но по чудовишным ценам: мясо — 25 р. за ф[унт], хлеб 17–18 р., масло и сахар — 85 р., капуста свежая и кислая — 10 р. за ф[унт], свинина — 50 р. за ф[унт], селедки от 16 р. до 20 р. за штуку, мука 20–23–25 р. за ф[унт]. Все это будто бы привезено благодаря на днях изданному распоряжению о свободном ввозе ненормированных продуктов, а на самом деле, по-видимому, просто теперь вынули из-под спуда и продают гласно то, что раньше продавали крадучись, из-под полы. Но кто может выдержать такие цены? Так мы до весны не проживем, никаких средств не хватит» (16/29 декабря 1918 г. Л. 56 об.—57); «Рука не поднимается писать — так тоскливо на душе. Живется очень плохо! Холодно в доме, трамваи почти не ходят, стоят сильные морозы, цены на продукты непрерывно растут: сегодня Зина купила картофель по 10 р. за фунт, масло — 90 р., молоко 10–11 р. за бутылку и т. п. Купить муку и сахар почти невозможно» (14/27 февраля 1919 г. Л. 7); «В городе форменный голод; на рынках положительно ничего нет; третьего дня мы с Зиной были на Клинском рынке: мясо — 30–35 р. за ф[унт], жир для кухни — 80 р., масло — 120 р. за ф[унт], яйца — 9 р. за штуку» (22 февраля/7 марта 1919 г. Л. 13–13 об.); «В городе голод: нет муки, круп, хлеба и много другого. Цены на все страшно растут с каждым днем. Вчера С[ергей] Ф[едорович] увидел около Археол[огического] инст[иту]та ослабевшую от голода женщину, дал ей бывший при нем кусок хлеба и был поражен тем с какой жадностью она на него накинулась. Наряду с этим в школе пластики М-те Ауэр учащимся дается после каждого урока по 1/2 ф[унта] или 3/4 ф[унта] хлеба и конфеты к чаю! Это, когда даже по 1-й категории выдается только по 1/2 ф[унта] в день. И к этой школе имеет

какое то отношение Луначарский и С. Раблов²⁰⁴ — как не стыдно последнему связывать свое имя с больш[евича]ми!» (13/26 марта 1919 г. Л. 20—20 об.); «Цена хлеба доходит о 45 р. за фунт. На днях на Клинском рынке при мне продавали ржаную муку по 50 р. за фунт, масло — 120—160 р., свиное масло — 130—140 р., мороженая картошка 12—14 р. за фунт. Сегодня на Малом пр. я видела конину (правда, прекрасную) по 30 р. за фунт» (22 марта/4 апреля 1919 г. Л. 27). В это время перед интеллигенцией во весь рост встает проблема эвакуации: «В Ташкенте открывается унив[ерсите]т, куда усиленно зовут С.В. Рожд[ественско]го и Дм[итрия]К[онстантиновича] [Петрова]. Первый почти согласился, второй колеблется. Всех гонит отсюда невыносимая обстановка: голод, холод, отсутствие освещения, невероятная дороговизна. Вот как большинство интеллигенции живет теперь в П[етер]б[урге]: парадные входы заперты, лифты, телефоны и звонки не действуют; т. к. система отопления испорчена, да и топить дом нечем, то все ютятся в кухне и около нее, поставив, кто мог, печку или чугунок; прислуги почти никто не держит, т[ак] к[ак] кормить ее нечем; дрова добываются со страшным трудом и по невероятным ценам (Гревс купил 2 сажени по 6 т[ысяч], и доволен; в Москве дрова еще дороже; говорят, на рынке полено стоит до 180 р.)» (19 ноября/2 декабря 1919 г. Л. 77—77 об.).

Некоторое облегчение наступает весной-летом 1919 г., когда с продовольствием в Петрограде наступает определенное улучшение. 15/28 апреля 1919 г. в Дневнике сделана следующая запись: «Нужно сказать, что и в П[етро]гр[аде] цены на продукты сильно падают в последние дни: масло перед праздником [Пасхой] было по 160—170 р., теперь 120 р. и даже 110 р., творог был 55 р. и до 70 р., теперь 30 р., яйца доходили до 220 р. за десяток, теперь, говорят, уже 120 и 100 р.; картофель на Страстной неделе стоил 20—21 р. за фунт, теперь 13—14 р. И все-таки — какие ужасные цены! Вчера[?] зять привез мне 8 ф[унтов] хорошей телятины по 50 р., итого 400 р.! Как дешево стали деньги!» (Л. 41 об.—42). С этого времени количество записей с описанием продовольственной и бытовой катастрофы постепенно снижается. И дело здесь, по-видимому, не столько в том, что наиболее трудный этап «бытового выживания» был позади, а в том, что Платоновы приспосабливаются к новому уровню и стилю жизни. Кроме того, вынужденное сотрудничество с новой властью у С.Ф. Платонова все болес налаживается, авторитет крупного ученого вновь начинает приносить определенные социальные дивиденды; старые привычки с начала 1921 г. хотя бы и отчасти возвращаются, что находит отражение и в записях Дневника. Например, в одной из записей января 1921 г. читаем: «Погода в субботу была такова, что С[ергей] Ф[едорович] не мог дойти до Бассейной, где в Доме Литераторов должен был прочесть публ[ичную] лекцию (“Реабилитация Бориса Годунова”). Он вышел с Ниночкой (Н.С. Платоновой. — Е. Р.) и мог только обогнуть наш дом: сильнейший снежный вихрь, везде глубокие сугробы. Лекция перенесена на среду и за С[ергеем] Ф[едоровичем] прищлют лошадь» (12/25 января 1921 г. Л. 4 об.).

В этом обзоре мы лишь наметили основные направления изучения Дневника и дали обзор некоторых его наиболее важных тем. Уже один ряд приведенных выше имен, без сомнения, заслуживает того, чтобы Дневник, с одной стороны, стал предметом изучения историографов, с другой — послужил источником по истории российской исторической науки и даже более широко — российского общества рубежа XIX—XX вв. — и занял достойное место в комплексе известных источников личного происхождения, связанных с деятельностью сообщества историков начала XX в. (мемуары С.Ф. Платонова²⁰⁵, И.М. Гревса²⁰⁶, В.Г. Дружинина²⁰⁷, Н.И. Кареева²⁰⁸, П.Н. Милюкова²⁰⁹, С.П. Мельгунова²¹⁰ и др., переписка С.Ф. Платонова²¹¹, М.М. Богословского²¹², С.Б. Веселовского²¹³, А.С. Лаппо-Данилевского²¹⁴, письма А.Е. Преснякова к матери и жене²¹⁵, дневники Ю.В. Готье²¹⁶ и др.). Крайне субъективный характер ряда процитированных выше оценок и интерпретаций фактов, данных Н.Н. Платоновой, естественно, не может помешать оценить их как интересный источник, в чем-то уникальный по своему характеру. По выражению С.Ф. Платонова, для историка важно выявить тот «угол зрения»²¹⁷, под которым он был создан. Мы попытались, по мере возможности, читателю этот «угол зрения» показать. В заключение хочется выразить надежду, что полное, комментированное издание Дневника не за горами. С нашей точки зрения, оно могло бы быть весьма полезным для отечественной историографии и антропологии науки.

¹ См.: Платонова Н.Н. Кохановская (Н.С. Соханская). 1823–1884: Биогр. очерк. СПб., 1909.

² См.: Платонов С.Ф. [Платонова (урожденная Шамонина). Ее биография] (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 5690. Л. 1–2 об.).

³ По архивным делам хронологически материал Дневника распределяется следующим образом: Д. 5691 — с сентября 1889 г. по октябрь 1892 г.; Д. 5692 — с октября 1892 по февраль 1896 г.; Д. 5693 — с сентября по октябрь 1905 г.; Д. 5694 — с января 1914 г. по июнь 1915 г.; Д. 5695 — с августа 1915 г. по ноябрь 1916 г.; Д. 5696 — с ноября 1916 г. по декабрь 1917 г.; Д. 5697 — с декабря 1917 г. по сентябрь 1918 г.; Д. 5698 — с сентября 1918 г. по февраль 1919 г.; Д. 5699 — с февраля по июнь 1919 г.; Д. 5700 — с июня по август 1919 г.; Д. 5701 — с августа 1919 г. по март 1920 г.; Д. 5702 — с января по ноябрь 1921 г.

⁴ Ростовцев Е.А. Дневник Н.Н. Платоновой (Шамониной) как источник по истории исторической науки // Времена и судьбы: Сб. статей в честь 75-летия Виктора Моисеевича Пансяха / Отв. ред. В.Г. Вовина-Лебедева. СПб., 2006. С. 270–318.

⁵ Здесь и далее номер фонда, описи и дела не оговариваются. Хронологическую роспись тетрадей Дневника по единицам хранения см. в сноске 3.

⁶ Гревс Иван Михайлович (1860–1941) — историк, приват-доцент (с 1889 г.), профессор (с 1902 г.) всеобщей истории Петербургского университета.

⁷ Ольденбург Сергей Федорович (1863–1934) — историк, востоковед, академик (с 1906 г.), непрменный секретарь Академии наук (1904–1929), приват-доцент и профессор Петербургского университета; в 1917 г. — министр народного просвещения.

⁸ Кареев Николай Иванович (1850–1931) — историк, профессор всеобщей истории Петербургского университета (1886–1899, с 1906 г.), почетный академик (1929), общественный деятель.

⁹ Миллюков Павел Николаевич (1859–1943) – историк России, приват-доцент Московского университета (1886–1895), впоследствии – общественный и политический деятель, лидер кадетской партии, в 1917 г. – министр иностранных дел.

¹⁰ Семевский Василий Иванович (1848–1916) – историк России, приват-доцент Петербургского университета (1882–1886), общественный деятель.

¹¹ Введенский Александр Иванович (1856–1925) – психолог, философ, профессор философии Петербургского университета.

¹² Ключевский Василий Осипович (1841–1911) – историк России, профессор Московского университета, академик (с 1900 г.).

¹³ Безобразов Павел Владимирович (1859–1918) – историк, византист, приват-доцент Московского университета (1882–1892), затем Петербургского университета (1914–1917).

¹⁴ Миллюкова Анна Сергеевна (1861–1935) – жена П.Н. Миллюкова.

¹⁵ Победоносцев Константин Петрович (1827–1907) – профессор римского права Московского университета, общественный и политический деятель, обер-прокурор Синода (1880–1905).

¹⁶ Чечулин Николай Дмитриевич (1863–1927) – историк, приват-доцент Петербургского университета, попечитель Виленского учебного округа.

¹⁷ Шелгунов Николай Васильевич (1824–1891) – русский революционный демократ, публицист, литературный критик.

¹⁸ Михаил Александрович, в. кн. (1878–1918) – сын императора Александра III.

¹⁹ Ольга Александровна, в. кн. (1882–1952) – дочь императора Александра III.

²⁰ Гливецко Иван Иванович (1868–1931) – приват-доцент всеобщей литературы Петербургского университета, позднее профессор Харьковского и Московского университетов.

²¹ Кауфман фон (Кауфман-Туркестанский) Петр Михайлович (1857–1926) – в 1904–1908 гг. министр народного просвещения, в 1915 г. – член Государственного Совета.

²² Пруциско Сергей Михайлович (1869–1929) – магистр государственного права, член совета министра народного просвещения, попечитель Рижского, затем Петербургского учебного округа (1913–1914).

²³ Танеев Александр Сергеевич (1850–1918) – в 1896–1917 гг. главноуправляющий собственной е. и. в. канцелярией.

²⁴ Алексенко Михаил Мартынович (1847–1917) – профессор финансового права Харьковского университета, попечитель Казанского, затем Харьковского учебных округов.

²⁵ Горемыкин Иван Логгинович (1839–1917) – государственный деятель, председатель Совета министров (1906, 1914–1916).

²⁶ Лаппо Иван Иванович (1869–1944) – историк России и Литвы, профессор Юрьевского университета.

²⁷ Тураев Борис Александрович (1868–1920) – египтолог, историк Древнего Востока, профессор Петербургского университета, академик (с 1918 г.).

²⁸ Игнатъев Павел Николаевич (1870–1945) – товарищ министра земледелия, министр народного просвещения (1915–1916), почетный академик (1917).

²⁹ Кривошеин Александр Васильевич (1857–1921) – главноуправляющий землеустройством и земледелием (1908–1915), глава «Правительства Юга России» (1920).

³⁰ Гурлянд Илья Яковлевич (1863–не ранее 1921) – профессор административного права Демидовского лицея в Ярославле, руководитель официоза «Россия» (1907–1914), член совета министра внутренних дел (1907–1917), директор-распорядитель Петроградского телеграфного агентства (1916–1917).

³¹ Кульман Николай Карлович (1871–1940) – историк, литературовед, профессор Женского педагогического института (1912–1916) и Александровского лицея, редактор еженедельника «Летопись средней школы» (с 1915 г.).

³² Шереметев Сергей Дмитриевич (1844–1918) – общественный и государственный деятель, член Государственного совета, председатель Археографической комиссии (с 1900 г.), почетный академик (1890).

³³ Константин Константинович, в. кн. (1858–1915) – поэт, переводчик, композитор, государственный деятель, Президент Академии наук (с 1889 г.), почетный попечитель Женского Педагогического института.

³⁴ Чиркин Геннадий Федорович (1876–1938) – в 1910 г. ревизор землеустройства.

³⁵ Столыпин Петр Аркадьевич (1862–1911) – председатель Совета министров (1906–1911).

³⁶ Шварц Александр Николаевич (1848–1915) – филолог-классик, профессор Московского университета, министр народного просвещения (1908–1910).

³⁷ Кассо Лев Аристидович (1865–1914) – юрист, проф. Московского университета, министр народного просвещения (1910–1914).

³⁸ Елизавета Федоровна (Елизавета-Александра-Луиза-Алиса), в. кн. (1864–1918) – урожденная принцесса Гессен-Дармштадтская, вдова в. кн. Сергея Александровича, сестра императрицы Александры Федоровны.

³⁹ Цветаев Дмитрий Владимирович (1850–1920) – историк России, архивист, профессор Варшавского университета, управляющий Московским архивом Министерства юстиции (с 1911 г.).

⁴⁰ Здесь и далее приводятся двойные даты по новому и старому стилю (юлианскому и григорианскому календарю) в случаях их простановки автором в тексте Дневника.

⁴¹ Бубнов Николай Михайлович (1858–1943) – историк, профессор всеобщей истории университета св. Владимира в Киеве (с 1891 г.), декан Историко-филологического факультета.

⁴² Иконников Владимир Степанович (1841–1923) – историк России, профессор университета св. Владимира в Киеве, академик (с 1914 г.).

⁴³ Ольга Константиновна, в. кн. (1851–1926) – дочь в. кн. Константина Николаевича и в. кн. Александры Иосифовны, королева Греции.

⁴⁴ Киреев Александр Алексеевич (1833–1910) – генерал от кавалерии, писатель по религиозным вопросам.

⁴⁵ Николай Михайлович, в. кн. (1859–1919) – историк, энтомолог, государственный деятель, председатель Русского исторического общества (1910–1917).

⁴⁶ Кобеко Дмитрий Фомич (1837–1918) – историк, государственный деятель, директор Публичной библиотеки (с 1902 г.).

⁴⁷ Кони Александр Федорович (1844–1927) – юрист, общественный и государственный деятель, почетный академик (1900), профессор Петроградского университета.

⁴⁸ Лихачев Николай Петрович (1862–1936) – историк и искусствовед, профессор Петербургского археологического института, помощник директора Публичной библиотеки (с 1902 г.), академик (с 1925 г.).

⁴⁹ Судя по переписке С.Ф. Платонова и в. кн. Константина Константиновича, речь о назначении С.Ф. Платонова директором (а его друга и ближайшего соратника Н.Д. Чечулина – вице-директором) Публичной библиотеки шла, по крайней мере, с начала 1915 г. См.: С.Ф. Платонов – в. кн. Константину Константиновичу. 23 февраля 1915 г. [на полях письма помещен ответ Константина Константиновича С.Ф. Платонову, 23 февраля 1915 г.] // ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 1817. Л. 6 об.–7. О назначении Н.Д. Чечулина вице-директором библиотеки и о ходатайствах за него со стороны С.Ф. Платонова см. записи Дневника: 6 февраля 1915 г. Л. 21 об.; 27 февраля 1915 г. Л. 33 об.–35 и др.

⁵⁰ Вите Сергей Юльевич (1849–1915) – государственный деятель, Председатель Совета министров (1905–1906).

⁵¹ Штюрмер Борис Владимирович (1848–1917) – государственный деятель, Председатель Совета министров (1916).

⁵² Сухомлинов Владимир Александрович (1848–1926) – государственный деятель, военный министр (1909–1915).

- ⁵³ Николай Николаевич, в. кн. (1856–1929) – верховный главнокомандующий (1914–1915, 1917).
- ⁵⁴ Бенкендорф Павел Константинович (1853–1921) – граф, государственный деятель, обергофмаршал (1912–1917).
- ⁵⁵ Распутин (Новых) Григорий Ефимович (1864–1916) – общественный деятель, «стареш», приближенный к семье императора Николая II.
- ⁵⁶ Зинаида Р. – литературный псевдоним Ган Елены Андреевны (1814–1843) – тетки С.Ю. Витте, писательницы.
- ⁵⁷ Блаватская Елена Павловна (1831–1891) – двоюродная сестра С.Ю. Витте, дочь Е.А. Ган, писательница, оккультистка.
- ⁵⁸ Желиховская Вера Петровна (1835–1896) – двоюродная сестра С.Ю. Витте, писательница.
- ⁵⁹ Фадеев Ростислав Андреевич (1824–1883) – дядя С.Ю. Витте, генерал-майор, военный историк и публицист.
- ⁶⁰ Витте Надежда Андреевна, урожд. Иваненко (?–1890) – по первому браку Спиридонова, первая жена С.Ю. Витте (с 1879 г.); Витте Магильда Ивановна, урожд. Нурок (1863–не ранее 1920) – по первому браку Лисаневич, графиня, вторая жена С.Ю. Витте (с 1892 г.).
- ⁶¹ Лисаневич Дмитрий Сергеевич – первый муж М.И. Витте.
- ⁶² Официально воспитанницей С.Ю. Витте была объявлена дочь его первой жены Софья Ивановна Спиридонова. Также приемной дочерью была Вера Сергеевна Нарышкина (с 1904 г. жена К.В. Нарышкина), урожд. В.Д. Лисаневич – дочь второй жены С.Ю. Витте, М.И. Витте.
- ⁶³ Адрианов Сергей Александрович (1871–1941) – литературовед, историк, приват-доцент Петербургского университета (с 1905 г.).
- ⁶⁴ По-видимому, речь идет о матери Б.В. Штюрмера – Штюрмер Эрмионии Николаевне, урожд. Паниной (1830–1879).
- ⁶⁵ Штюрмер Елизавета Васильевна, урожд. Струкова (до 1865–не ранее 1917) – жена Б.В. Штюрмера.
- ⁶⁶ Речь идет о Георгии Борисовиче Штюрмере (1880–?) – вице-губернаторе Царства Польского – и Владимире Борисовиче (1883–?) – вице-губернаторе Курской губернии.
- ⁶⁷ Об истории с неудавшейся переменной фамилии Б.В. Штюрмером см.: Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004. С. 175.
- ⁶⁸ Возможно – Кораблев Василий Николаевич (1873–1935) – историк, литературовед.
- ⁶⁹ Бобринский Андрей Александрович (1859–1930) – граф, член Государственного Совета.
- ⁷⁰ Пуришкевич Владимир Митрофанович (1870–1920) – председатель Союза Михаила Архангела, депутат II, III, IV Государственных дум.
- ⁷¹ Молодая царица – нем.
- ⁷² Игнатъев Николай Павлович (1832–1908) – граф, российский государственный деятель, дипломат, посол России в Константинополе в 1864–1877 гг.
- ⁷³ Тураева Елена Филимоновна, урожд. Церетели (1868–1948) – историк, жена профессора Б.А. Тураева.
- ⁷⁴ Музей Александра III – Музей изящных искусств Императора Александра III, открыт в Москве в мае 1912 г., ныне Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина.
- ⁷⁵ Нечаев-Мальцев Юрий Степанович (1834–1913) – общественный деятель, меценат, вице-президент Общества поощрения художеств.
- ⁷⁶ Шевяков Владимир Трофимович (1859–1930) – профессор зоологии Петербургского университета, товарищ министра народного просвещения.
- ⁷⁷ Рачинский Александр Константинович (1867–1927?) – товарищ министра народного просвещения.
- ⁷⁸ Вильгельм II (Гогенцоллерн) (1859–1941) – германский император и прусский король в 1888–1918 гг.

- ⁷⁹ Гинденбург Пауль фон (1847–1934) – генерал-фельдмаршал Германии, с ноября 1914 г. командующий войсками Восточного фронта, с августа 1916 г. начальник германского Генштаба.
- ⁸⁰ Дворец Кшесинской – Здание на углу Кронверкского пр. и ул. Куйбышева (бывш. Большой Дворянской), 1/2, – с марта 1917 г. здесь разместился ЦК РСДРП(б). До февральской революции – особняк балерины М.Ф. Кшесинской (1872–1971).
- ⁸¹ Платонов Михаил Сергеевич (1899–1942) – сын С.Ф. Платонова, ученый-химик.
- ⁸² Родзянко Михаил Владимирович (1859–1924) – общественный и политический деятель, октябрист, председатель III и IV Государственных дум.
- ⁸³ Керенский Александр Федорович (1881–1970) – министр юстиции (март–май 1917 г.), военный и морской министр (май–сентябрь 1917 г.), министр–председатель (июль–октябрь 1917 г.) Временного правительства, верховный главнокомандующий (август–октябрь 1917 г.).
- ⁸⁴ Чхедидзе Николай Семенович (1864–1926) – меньшевик, в 1917 г. председатель Петросовета, ВЦИК.
- ⁸⁵ Платонова (в замужестве Измайлова) Наталья Сергеевна (1894–1942) – дочь С.Ф. Платонова, историк.
- ⁸⁶ Петров Дмитрий Константинович (1872–1925) – филолог-романист, профессор Петербургского университета.
- ⁸⁷ Барсков Яков Лазаревич (1863–1937) – историк России, археограф, архивариус государственного архива МИД в Петербурге.
- ⁸⁸ Гримм Эрвин Давидович (1870–1940) – историк, ректор Петроградского университета (1911–1918).
- ⁸⁹ Гучков Александр Иванович (1862–1936) – лидер октябристов, в 1915–1917 гг. председатель Центрального военно-промышленного комитета, в 1917 г. (март–апрель) – военный и морской министр.
- ⁹⁰ Шульгин Василий Витальевич (1878–1976) – российский политический деятель, монархист, один из лидеров правого крыла II–IV Государственных дум.
- ⁹¹ Возможно, речь об Астрове Николае Ивановиче (1868–1934) – московском городском голове в 1917 г. – или о другом деятеле кадетской партии: Астрове Владимире Николаевиче (1885–1944).
- ⁹² Кокошкин Федор Федорович (1871–1918) – один из лидеров кадетской партии, в 1917 г. контролер Временного правительства.
- ⁹³ Туган-Барановский Михаил Иванович (1865–1919) – русский экономист, историк.
- ⁹⁴ Ефименко Александра Яковлевна (1848–1919) – историк-этнограф, профессор Высших женских курсов.
- ⁹⁵ Горький Максим (Пешков Алексей Максимович) (1868–1936) – российский писатель и общественный деятель.
- ⁹⁶ Георгий Михайлович, в. кн. (1863–1919) – генерал-лейтенант, сын в. кн. Михаила Николаевича.
- ⁹⁷ Дмитрий Константинович, в. кн. (1860–1919) – генерал от кавалерии, сын в. кн. Константина Николаевича.
- ⁹⁸ Павел Александрович, в. кн. (1860–1919) – сын императора Александра II.
- ⁹⁹ Гримм Давид Давидович (1864–1941) – юрист, историк права, профессор Петербургского университета, общественный деятель.
- ¹⁰⁰ Браун Федор Александрович (1862–1942) – историк и филолог, профессор Петроградского университета.
- ¹⁰¹ Осадчий Петр Семенович (1866–1943) – профессор, затем ректор Электротехнического института им. Александра III.
- ¹⁰² Гринберг Захарий Григорьевич (1889–1949) – комиссар СНК в Петроградском отделении Главархива.

- ¹⁰³ Добиаш-Рождественская Ольга Антоновна (1874–1939) – историк-медиевист, профессор Высших женских (Бестужевских) курсов и Петроградского университета.
- ¹⁰⁴ Богословский Михаил Михайлович (1867–1929) – историк России, профессор Московского университета, академик (с 1921 г.); Богословская Елизавета Петровна, урожд. Толстова (1888–1969), – жена М.М. Богословского.
- ¹⁰⁵ Петрушевский Дмитрий Моисеевич (1863–1942) – историк-медиевист, профессор Московского университета, академик (с 1929 г.).
- ¹⁰⁶ Возможно, речь идет о Карташеве Антоне Владимировиче (1875–1960) – религиозном мыслителе и историке церкви, кадете.
- ¹⁰⁷ Возможно, речь идет об Амеицкой Екатерине Дмитриевне – учительнице школы для детей низших служащих при Петроградском университете, затем преподавателе Петроградского университета.
- ¹⁰⁸ Князьков Сергей Александрович (1873–1919) – историк России.
- ¹⁰⁹ По-видимому, речь идет о Щепкине Николае Николаевиче (1854–1919) – общественном и политическом деятеле, члене кадетской партии, в 1919 г. – одном из руководителей «Национального центра».
- ¹¹⁰ Алферов Александр Данилович (1862–1919) – литературовед, методист по русскому языку и литературе; Алферова Александра Самсоновна, урожд. Коссович (?–1919), – начальница гимназии.
- ¹¹¹ Ходский Леонид Владимирович (1854–1919) – экономист, статистик, профессор Петербургского университета.
- ¹¹² Брачев В.С. Русский историк С.Ф. Платонов. Ученый. Педагог. Человек. СПб., 1997. С. 201.
- ¹¹³ Возможно – Кристи Михаил Петрович (1875–1956) – заведующий Петроградским отделением Главного управления научных учреждений, уполномоченный Наркомата просвещения РСФСР.
- ¹¹⁴ Щеголев Павел Елиссевич (1877–1931) – литературовед, историк революционного движения.
- ¹¹⁵ Венгров Семен Афанасьевич (1855–1920) – историк литературы, библиограф, приват-доцент Петербургского университета.
- ¹¹⁶ Изначальная ложь (греч.).
- ¹¹⁷ Из духа противоречия (франц.).
- ¹¹⁸ Засулич Вера Ивановна (1849–1919) – общественный деятель, революционерка, террористка.
- ¹¹⁹ Шаскольский Петр Борисович (1882–1918) – историк-медиевист, приват-доцент Петроградского университета, член Трудовой народно-социалистической партии.
- ¹²⁰ Таганцев Николай Степанович (1843–1923) – юрист, профессор Петербургского университета, почетный академик (1917).
- ¹²¹ Приселков Михаил Дмитриевич (1881–1941) – историк России, приват-доцент, затем профессор Петербургского университета.
- ¹²² Пресняков Александр Евгеньевич (1870–1929) – историк России, приват-доцент, затем профессор Петербургского университета.
- ¹²³ Возможно – Путятин Михаил Сергеевич (1861–1938), князь, генерал, начальник дворцового управления.
- ¹²⁴ Литовченко Дмитрий Васильевич – Председатель департамента Петроградской судебной палаты.
- ¹²⁵ Платонова Нина Сергеевна (1886–1942) – дочь С.Ф. Платонова, историк.
- ¹²⁶ Троцкий (Бронштейн) Лев Давылович (1879–1940) – общественный и государственный деятель, в 1919 г. наркомвоенмор, председатель Реввоенсовета РСФСР, член Политбюро ЦК РКП(б).
- ¹²⁷ Кун Бела (1886–1939) – деятель венгерского и международного коммунистического движения.

- ¹²⁸ Сергей Александрович, в. кн. (1857–1905) – московский генерал-губернатор, сын императора Александра II.
- ¹²⁹ Латышев Василий Васильевич (1855–1921) – историк, филолог, академик (с 1893 г.).
- ¹³⁰ Радлов Эрнест Львович (1854–1928) – философ, член-корреспондент Академии наук (с 1920 г.), первый выборный директор Публичной библиотеки (1917–1924).
- ¹³¹ Браудо Александр Исасвич (1864–1924) – заместитель директора Публичной библиотеки в 1918–1919, 1921–1924 гг.
- ¹³² Рождественский Сергей Васильевич (1868–1934) – историк России, профессор Петроградского университета, член-корреспондент Академии наук (с 1920 г.).
- ¹³³ Ллойд-Джорж Дэвид (1863–1945) – премьер-министр Великобритании в 1916–1922 гг.
- ¹³⁴ Клемансо Жорж (1841–1929) – премьер-министр Франции в 1906–1909, 1917–1920 гг.
- ¹³⁵ Заозерский Александр Иванович (1874–1941) – историк России, профессор Петроградского университета.
- ¹³⁶ Юденич Николай Николаевич (1862–1933) – генерал, главнокомандующий белогвардейской Северо-Западной армией в 1919 г.
- ¹³⁷ Колчак Александр Васильевич (1873–1920) – адмирал, один из лидеров белого движения, в 1918–1919 гг. носил титул «верховного правителя Российской государственки», после ареста расстрелян большевиками.
- ¹³⁸ Дворец Строгановых – памятник архитектуры XVIII в., находится по адресу: Невский пр., 17. После революции 1917 г. художественное собрание дворца передано Государственному Эрмитажу.
- ¹³⁹ Покровский Михаил Николаевич (1868–1932) – историк России, общественный и государственный деятель, замнаркома просвещения РСФСР (с 1918 г.), руководитель Социалистической академии (с 1918 г.) и других научных учреждений, академик (с 1929 г.).
- ¹⁴⁰ Рязанов (Гольдбрах) Давид Борисович (1870–1938) – историк, общественный и государственный деятель, в 1918–1920 гг. заведующий Центрархивом.
- ¹⁴¹ См.: Шмидт С.О. Сергей Федорович Платонов (1860–1933) // Портреты историков: Время и судьбы. В 2-х т. М. – Иерусалим, 2000. Т. 1. С. 122–132.
- ¹⁴² Мензбир Михаил Александрович (1855–1935) – зоолог, профессор Московского университета (с 1886 г.), его ректор (1917–1919), академик (с 1929 г.), общественный деятель.
- ¹⁴³ Гибулянов Павел Васильевич (1874–1937) – профессор церковного права Московского университета, директор Лазаревского института восточных языков.
- ¹⁴⁴ Луначарский Анатолий Васильевич (1875–1933) – критик, драматург, общественный и государственный деятель, нарком просвещения РСФСР (1917–1929).
- ¹⁴⁵ Алексеев Василий Михайлович (1881–1951) – отечественный востоковед, профессор Петроградского университета, академик (с 1929 г.).
- ¹⁴⁶ Сорокин Питирим Александрович (1889–1968) – русский и американский социолог, правый эсер, приват-доцент, профессор (с 1919 г.) Петроградского университета. Речь идет о статье В.И. Ленина «Ценные признания Питирима Сорокина», впервые напечатанной 21 ноября 1918 г. в газете «Правда» (1918. № 252), подписано «Н. Ленин». Письмо П.А. Сорокина, о котором идет речь в статье В.И. Ленина, было напечатано в газете «Правда» (№ 251 от 20 ноября 1918 г.). В.И. Ленин цитирует письмо по этой газете, впервые же оно опубликовано в газете «Крестьянские и Рабочие думы» (№ 75 от 29 октября 1918 г.) Северо-Двинского Губисполкома.
- ¹⁴⁷ Тонков Владимир Николаевич (1872–1954) – врач-анатом, профессор Военно-медицинской академии.
- ¹⁴⁸ Ростовцев Е.А. 1) Дневник Н.Н. Платоновой (Шамониной) как источник по истории исторической науки... С. 284–288; 2) А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань, 2004. С. 70–71.
- ¹⁴⁹ Милуков П.Н. Воспоминания. М., 1990. Т. 1. С. 163–164.
- ¹⁵⁰ Аничков Николай Милеевич (1844–1916) – товарищ министра народного просвещения.

вице-председатель Православного Палестинского общества.

¹⁵¹ Майков Леонид Николаевич (1839–1900) – историк литературы, академик (с 1889 г.), вице-президент Академии наук (1893–1900).

¹⁵² См.: ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 1390. Л. 2–12.

¹⁵³ Тарле Евгений Викторович (1874–1955) – историк нового времени, приват-доцент, затем профессор Петербургского университета, академик (с 1927 г.).

¹⁵⁴ Ростовцев Михаил Иванович (1870–1952) – историк античности, профессор Петербургского университета (с 1901 г.), академик (с 1917 г.).

¹⁵⁵ Шахматов Алексей Александрович (1864–1920) – филолог, историк России, профессор Петербургского университета (с 1908 г.), академик (с 1894 г.).

¹⁵⁶ Видимо, речь идет о Долгове Семене Осиповиче (1857–1925) – архивариусе Румянцевского музея.

¹⁵⁷ О деле Н.Н. Фирсова и участия в нем С.Ф. Платонова см. записи Дневника 27 августа 1892 г. Л. 141–142; 19 сентября 1892 г. Л. 144 об.–145; 25 февраля 1893 г. Л. 21 об.–22, а также: РГИА. Ф. 733. Оп. 150. 1892 г. Д. 841. Л. 8–54.

¹⁵⁸ Фирсов Николай Николаевич (1864–1933) – историк, профессор Казанского университета (с 1902 г.).

¹⁵⁹ Формально Н.Н. Фирсов был уволен «за выслугу лет», по сведениям газеты «Школа и жизнь» – «по проискам бывшего профессора [Казанского университета Мережковского]; см.: Высшая школа // Школа и жизнь. 1916. №13. С. 9 (Слб. 329).

¹⁶⁰ В марте 1916 г. Н.Н. Фирсов возвратился на кафедру в Казанский университет.

¹⁶¹ Нечто подозрительное (франц.).

¹⁶² Жбеблев Сергей Александрович (1867–1941) – историк, филолог-классик, профессор Петроградского университета, академик (с 1927 г.).

¹⁶³ Зелинский Фаддей Францевич (1859–1944) – филолог-классик, член-корреспондент Академии наук (с 1893 г.), почетный академик (с 1916 г.).

¹⁶⁴ Лаппо-Данилевский Александр Сергеевич (1863–1919) – историк России, член Академии наук (с 1899 г.), приват-доцент, впоследствии профессор Петербургского университета.

¹⁶⁵ Васильевский Василий Григорьевич (1838–1899) – историк-византист, профессор Петербургского университета, академик (с 1890 г.).

¹⁶⁶ Успенский Федор Иванович (1845–1928) – историк-византист, академик (с 1900 г.), бывший профессор Петербургского университета.

¹⁶⁷ Радлов Василий Васильевич (1837–1918) – востоковед, академик (с 1884 г.).

¹⁶⁸ Залман Карл Германович (1849–1916) – востоковед, академик (с 1895 г.).

¹⁶⁹ Возможно, речь идет о Штернберге Льве Яковлевиче (1861–1927) – этнографе, члене-корреспонденте Академии наук (с 1924 г.).

¹⁷⁰ Никитин Петр Васильевич (1849–1916) – филолог-классик, член академии наук (с 1888 г.), вице-президент (с 1900 г.), бывший профессор и ректор Петербургского университета.

¹⁷¹ Кондаков Никодим Павлович (1844–1925) – историк искусства, профессор Петербургского университета, академик (с 1898 г.).

¹⁷² Соболевский Алексей Иванович (1856–1926) – филолог, историк, академик (с 1900 г.), бывший профессор Петербургского университета.

¹⁷³ О позиции Академии наук по вопросу об исключении «немцев» см.: Хартанович М.Ф. Предисловие // Летопись Российской академии наук. В 4-х т. СПб., 2003. Т. III. 1861–1900. С. 9; Басаргина Е.Ю. Вице-президент Императорской Академии наук П.В. Никитин. Из истории русской науки (1867–1916). СПб., 2004. С. 259–269.

¹⁷⁴ Возможно, речь идет о Георге Карловиче Вебере (1876–1937) – преподавателе Женских педагогических курсов.

¹⁷⁵ Таганцева Любовь Степановна (1845–1914) – владелица частной женской гимназии в Петербурге.

- ¹⁷⁶ Платонова Вера Сергеевна, в замужестве Шамонина (1888–1944) – дочь С.Ф. Платонова.
- ¹⁷⁷ Платонова Надежда Сергеевна, в замужестве Краевич (1890–1965) – дочь С.Ф. Платонова.
- ¹⁷⁸ Романов Борис Александрович (1889–1957) – историк России, сотрудник Центрархива (1918–1928).
- ¹⁷⁹ Александров Борис Владимирович (1882–1941) – историк России, сотрудник Центрархива.
- ¹⁸⁰ Цызырев Иван Федорович (1872–?) – социолог, профессор Петроградского университета и Первого Педагогического института.
- ¹⁸¹ Карсавин Лев Платонович (1882–1952) – историк-медиевист, профессор Петербургского университета.
- ¹⁸² Видимо, речь идет о Недзвецкой-Самариной Ольге Конраловне (1887–1972) – историк России.
- ¹⁸³ Пиксанов Николай Кирьякович (1878–1969) – литературовед, историк русской литературы, приват-доцент Петербургского университета, член-корреспондент Академии наук с 1931 г.
- ¹⁸⁴ Видимо, речь идет о семье Николая Михайловича Каринского (1873–1935) – языковеда-слависта, приват-доцента Петербургского университета.
- ¹⁸⁵ Кайгородов Алексей Иванович (1881–1951) – климатолог, геофизик.
- ¹⁸⁶ Ярошевский Алексей Георгиевич (1884–?) – историк, профессор Первого Педагогического института.
- ¹⁸⁷ Платонова Мария Сергеевна (1897–1942) – дочь С.Ф. Платонова.
- ¹⁸⁸ Возможно, речь идет об историке Константине Фсдосеевиче Буккевиче – преподавателе 6-й Санкт-Петербургской гимназии.
- ¹⁸⁹ Струве Юлия Петровна – преподавательница женских гимназий кн. Оболенской и С.Л. Таганцевой.
- ¹⁹⁰ Петухова Вера Викторовна (1874–1942) – преподавательница латинского языка на Высших женских курсах.
- ¹⁹¹ Возможно, речь идет о Викторе Васильевиче Кудряшове (1892–1943) – биологе; или Константине Васильевиче Кудряшове (1885–1962) – историке России, впоследствии профессоре истории в ЛГПИ.
- ¹⁹² Любомиров Павел Григорьевич (1885–1935) – историк России, приват-доцент Петроградского университета (1915–1917), профессор Томского университета (с 1917 г.). Речь идет о защите магистерской диссертации «Очерк истории Нижегородского ополчения», оппонентом которой выступал С.Ф. Платонов.
- ¹⁹³ Имеется в виду Сенная площадь, на которой расположен Сенной рынок.
- ¹⁹⁴ Иванова Иван Александрович (1850–1927) – историк, краевед, председатель Тверской ученой архивной комиссии.
- ¹⁹⁵ Елизавета Маврикиевна, в. кн. (1865–1927) – принцесса Санксен-Альтенбургская, герцогиня Саксонская, жена (с 1884 г.) великого князя Константина Константиновича, почетная попечительница Императорского Женского педагогического института.
- ¹⁹⁶ Садов Александр Александрович (1891–1942) – врач, эпидемиолог.
- ¹⁹⁷ Возможно, речь идет о зяте Н.Н. Платоновой, муже Надежды Сергеевны Платоновой – Борисе Константиновиче Краевиче.
- ¹⁹⁸ Фридолин Петр Петрович (1876–?) – историк, профессор всеобщей истории Женского педагогического института, приват-доцент Петербургского университета.
- ¹⁹⁹ Возможно, речь идет о Николае Ивановиче Репникове (1882–1940) – археологе.
- ²⁰⁰ Возможно, Введенская Мария Ильинична, жена профессора А.И. Введенского.
- ²⁰¹ Лихарева Зинаида (?) Александровна – жена М.П. Лихарева (1873–1941).
- ²⁰² Имеется в виду Петербургский повивальный институт, директором которого в это время являлся Дмитрий Оскарович Отт (1855–1929), в настоящее время – НИИ акушерства и

гинекологии им. Д.О. Отта РАМН (современный адрес: Менделеевская лин., 3).

²⁰³ Семья Сергея Михайловича Середонина (1860–1914) — историка России, приват-доцента Петербургского университета, друга С.Ф. Платонова: вдова Елена Митрофановна (?) Середонина и дети.

²⁰⁴ Радлов Сергей Эрнестович (1892–1958) — филолог-классик, историк театра.

²⁰⁵ Платонов С.Ф. Несколько воспоминаний о студенческих годах // Дела и дни. 1921. Кн. 2. С. 104–133; Он же. Автобиографическая записка // Академическое дело 1929–1931. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. СПб., 1993. Вып. 1. Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. С. 256–288.

²⁰⁶ Гривс И.М. За культуру. Воспоминания // Былое. 1918. № 12. С. 42–88.

²⁰⁷ Дружинин В.Г. Воспоминания // РГАЛИ. Ф. 167 (В.Г. Дружинин). Оп. 1. Д. 7.

²⁰⁸ Карев Н.И. Прожитое и пережитое / Подгот. текста, вступ. ст. и комм. В.П. Золотарева. Л., 1990.

²⁰⁹ Милюков П.Н. Воспоминания / Сост. и автор вступ. ст. М.Г. Вандалковская. М., 1990. Т. I–II.

²¹⁰ Мельгунов С.П. Воспоминания и дневники / Сост., прим. и подгот. текста Ю.Н. Емельянова. М., 2003.

²¹¹ См.: Письма русских историков (С.Ф. Платонов, П.Н. Милюков) / Под ред. В.П. Корзун. Омск, 2003; Академик С.Ф. Платонов. Переписка с историками: В 2-х т. / Отв. ред. С.О. Шмидт. М., 2003. Т. I: Письма С.Ф. Платонова. 1883–1930.

²¹² См.: Богословский М.М. Историография, мемуаристика, эпистолярная (научное наследие) / Сост. Л.А. Черная. М., 1987.

²¹³ Переписка С.Б. Веселовского с отечественными историками / Сост. Л.Г. Дубинская, А.М. Дубровский. М., 2001.

²¹⁴ Письма А.С. Лаппо-Данилевского Е.Д. Лаппо-Данилевской / Публ. и комм. В.П. Корзун // Мир историка. XX век. М., 2002. С. 390–409.

²¹⁵ См.: Архив СПб ИИ. Ф. 193. Оп. 2. Д. 1–10; Пресняков А.Е. Письма к матери 1898–1899 гг. / Вступ. ст. и комм. Т.Н. Жуковской // Деятели русской науки XIX–XX веков. СПб., 2001. Вып. 2. С. 304–348; Александр Евгеньевич Пресняков. Письма и дневник. 1889–1927 / Рук. проекта и отв. ред. А.Н. Цамутали. СПб., 2005.

²¹⁶ Готье Ю.В. Мои заметки // ВИ. 1991. № 6–10.

²¹⁷ Платонов С.Ф. Лекции по русской истории // Платонов С.Ф. Сочинения: В 2-х т. СПб., 1993. Т. I. С. 55–56.